

СТАНИСЛАВ МАЛЬЦЕВ

Лох Серёга, экстрасенс и убийца

Станислав Мальцев

Лох Серёга, экстрасенс и убийца

«Издательские решения»

Мальцев С.

Лох Серёга, экстрасенс и убийца / С. Мальцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852323-6

Студент Сергей Малинин по воле случая приобретает способности экстрасенса. Он видит вокруг много несправедливости и преступлений, начинает с этим бороться, даже не останавливается перед убийством. Всё это требует огромного психического напряжения, к тому же ему изменяет любимая девушка, а затем и женщина, которую любит и считает женой...

ISBN 978-5-44-852323-6

© Мальцев С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Змеи-гадюки	6
Понедельник	6
Вторник	11
Среда	24
Четверг	38
Пятница	44
Суббота	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лох Серёга, экстрасенс и убийца

Станислав Мальцев

© Станислав Мальцев, 2017

ISBN 978-5-4485-2323-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Змеи-гадюки

Понедельник

1

...Маленький, как игрушечный, паровозик едет медленно, на месте машиниста впереди мохнатый енот в красной фуражке. А за ним вагончики, много, пять или даже шесть. В них сидят собачки, кошки, обезьянки, другие зверушки, все мяукают, лают, разговаривают о чём-то друг с другом.

Впереди тоже маленький домик с большой вывеской «вокзал», на нём медный колокол и медвежонок в красной фуражке – начальник вокзала – громко, с удовольствием, бьёт – стартует, сообщает о приходе поезда.

– Бам! Бам! Бам!

Все в цирке смеются, хлопают, и маленький мальчик во втором ряду, тоже смеётся и хлопает ладошками изо всех сил. Светлые, короткие волосики, нарядная, тоже светлая, курточка с большими блестящими пуговицами – какой прекрасный сон! Это он, тот самый маленький мальчик...

– Сёмка, просыпайсь! – раздался из-за тонкой фанерной дверки пронзительный голос бабки Агафьи, у которой снимал комнату. Звала почему-то Сергея так, он не возражал, не всё ли равно.

Сел на кровати, тяжело вздохнул, бабка была известной знахаркой-травницей, к ней приезжали лечиться не только из соседних деревень, но и из большого города, который стоял за железной дорогой. Она позвала его с собой в лес, копать какие-то лечебные корешки, почему-то делать это надо было обязательно ранним утром, иначе теряли свою силу.

А кто это спит рядом на тонком, клетчатом одеялке? Такой очень большой и очень рыжий, по имени, конечно, Рыжик. Но так котюгу звала только хозяйка дома, бабка Агафья, Сергей придумал ему другое, солидное имя, и произнёс громко:

– Доброе утро, мистер Рэд! – и кот приоткрыл один зелёный глаз. Кроме этого имени придумал ему ещё три – утром Барсик, днём Барсук, а вечером Барселон. Но глупый, – или очень хитрый, – котюга не обращал на них внимания, не откликнулся ни на одно.

– Вставай, лодырь! – продолжал Сергей, в ответ кот муркнул:

– Мр-р-р! – был весьма самостоятельной личностью, бабка Агафья его не кормила совсем, кот целыми днями пропадал в лесу, охотился на мышей и на зазевавшихся птичек. Приходил домой только ночевать и охранять от домашних мышей бабкины запасы разных целебных корешков и трав.

– Лодырь! – повторил Сергей и погладил кота, тот сразу перевернулся на спину и задрал вверх все лапы, не открывая глаз громко замурчал, затарахтел, как маленький трактор.

В тесной кухне Сергей готовил себе завтрак, яйцо вкрутую, бабка Агафья разрешала ему брать утром одно – только одно! – болящие пациенты приносили в большом количестве не только яйца, но сметану, сало, вареных куриц, всё сразу прибирала в холодильник и потом возила в соседнюю деревню к сестре.

Котюга уже сидел рядом и с интересом следил, что делает Сергей, не мурлыкал, чуть неодобрительно махал хвостом, длинным и тоже рыжим.

– Хочешь половинку? – Сергей очистил яйцо, взглянул на кота. Тот махнул хвостом посылнее.

– Мур-нет! Я люблю мясо! Пошёл на охоту! – и выскочил в открытую форточку, умчался в соседний лесок ловить мышей. Сергей только вздохнул – мясо тоже любил, но есть его, в отличие от котюги, приходилось не так часто.

2

Была ещё ночь и лес стоял совсем не такой, как днём – деревья чёрные, мрачные, кусты тоже, так и казалось, что в них кто-то сидит, прячется. Кое-где, в низинках, лежал белой ватой туман, невысокий, негустой, и быстро, на глазах, таял.

Баба Ага резво бежала по одной ей ведомой тропинке, шустро обходила ямы и горелые пни. Сергей шёл как во сне, ни чего не видел под ногами, спотыкался на ровном месте и чуть не падал. На ней чёрно-коричневое пальтишко до колен, в руке костыль-клюка, через плечо большая сумка-мешок.

Вот остановилась, клюкой раздвинула траву, из неё выглянула шляпка мухомора, большая, ярко-красная, даже в темноте горела словно фонарик. Сказала ему негромко и ласково:

– Вырос, милоч, молодец. Вчерась тебя рвать не стала, а сёдня – самый раз. – Ножичком срезала гриб, подняла.

– Глянь, Сёмка, какая красотища! Нигде такую не увидишь! Самый полезительный гриб! Он, да ещё поганки! Недаром лесное зверьё их уважает, хрумкает да облизывается. Конешно, людям их есть не надо, а вот я настою на водочке, само то, глотнёшь чуток – многие хвори как рукой сымет.

Сергей молчал, с детства знал – эти грибы ядовитые, но спорить не стал, настроение не то. Да и всё равно не переубедить – бабка отличалась редким упрямством. Если что-то вобьёт себе в голову – то хоть кол теши на ней, ничего не поменять.

Она ещё что-то говорила, много и неразборчиво, не слушал и вдруг что-то увидела в кустах, кинулась туда. Невольно взглянул – стояла возле высокой и толстой дудки, ствол темно-зелёный и почти без листьев. Позвала радостно:

– Сёмка! Подь сюды! Вот он, корень золотой! Показался! Всё самое важное из земли сосёт – растёт-наливается. А как вырастет выше человеческого роста, так можно выкапывать. Сваришь его, станешь пить три раза в день по столовой ложке, и через месяц все желудочные и кишечные хвори сгинут, как и не было. – Достала из своего бездонного мешка-сумки небольшую лопатку. – Копай, да осторожнее, а я второй поищу.

Копать так копать, он резво взялся, думал быстро управиться, да не вышло! земля оказалась твердой, каменной, а потом пошла одна глина, лопатка просто застревала в ней. Кое-как добрался, выдрал проклятый корешок – оказался длинным и кривым. Бабка Ага подскочила, отрезала от стебля, сунула в сумку.

– То, чё надо! Идём дальше!

А дальше сухой лес кончился, началась мокротень, что-то вроде полуболота. Из неглубокой коричневой жижи торчали высокие, большие кочки, заросшие пожелтевшей травой. Хорошо, что бабка дала старенькие, короткие резиновые сапоги, в своих суконных тапочках погиб бы.

Она ловко бежала вперёд, прыгала с кочки на кочку, помогая себе клюкой. Серёга, хоть и ступал осторожно, то и дело соскальзывал с них в воду. Всё это ему совершенно не нравилось, зачерпнул сапогом немного воды и остановился.

– Дальше не пойду, тут всё глубже и глубже, да и змеи, наверное, есть...

Бабка подскочила поближе, замахала клюкой.

– Сёмка, не бойсь! Глыбко не будет, а змеюки добрые, их только трогать-дразнить не надо, – вытащила из сумки баночку тёмного стекла. – Вот, держи, если вдруг цапнут, помажь чуть-чуть, но не шибко, а то кожа до мяса слезет. И пошли – самые главные корешки тама растут.

Сказала и запрыгала дальше, Сергей двинулся было за ней, но через несколько шагов замер от испуга. На кочке, прямо перед ним, стояла змея! На хвосте! И глядела на него маленькими черными глазами! А изо рта высовывался и пропадал – раз за разом! – раздвоенный язык- жало!

– Гадюка! – завопил изо всех сил. – Змеиное болото!

Бабка Ага закричала издалека, слух у неё был отменный.

– Ты не базлай! Это Яшка царь болотный! Не пугай его и не тронет! – подбежала поближе и повернулась к гадюке: – Яшенка! Не серчай! Мы только корешки копнём, три штуки, и живо уберёмся!

Гадюка, похоже, её поняла, рот закрыла, язык не показывает, но глаз с Сергея не сводит. Бабка ускакала дальше, а он не знал, что делать. Вернулся бы, да как одному отсюда выбраться? Но, всё-таки, шагнул, нога соскользнула с кочки, чёрная вода забулькала, снизу пошёл густой вонючий воздух пузырями, Яшка этот, проклятый, сразу рот открыл и язык высунул.

– Наплевать на тебя! – сказал Сергей зло и громко, шагнул было на следующую кочку и тут змея прыгнула!

– Ай! – отчаянно изо всех сил завопил, взмахнул лопаткой и ловко, на лету, отрубил у неё голову! Две части гадюки упали в воду, крутились там в каком-то безумном танце... И тут ветер возник на болотине, зашумел, подул сильно и перестал, начался какой-то гул, забулькала вода. Сергей оглянулся и похолодел – из болотной жижи на кочки прыгали змеи! Сотни, тысячи уже стояли на хвостах с открытыми ртами и высунутыми жалами! Всё население болота, все подданные гадючьего царя-Яшки, голова его плавала-шевелилась возле ног Сергея, открывала рот, словно хотела укусить.

Собрался бежать – и не мот, ноги не слушались, а змеи с кочки на кочку, всё ближе и ближе. И вот уже первые на его ногах, кусают их через тоненькие джинсы, прыгают и на грудь, на курточку, на голые руки.

Завопил дико, сбрасывал в воду, бил и бил там лопатой, рубил на части, всё новые и новые гадюки вылезали. из болота, под ногами уже суп-вермишель из змеиных кусков, но конца им нет. Не помня себя, прыгая по кочкам, проваливался в воду до колена и закричал отчаянно:

– Гады! Сдохните! Сдохните все! – и вдруг увидел: с груди, с рук и ног гадюки сразу свалились, забили хвостами и через минуту всё было кончено – не осталось ни одной живой, продолжали ещё еле шевелиться, и тонули, исчезали в черноте.

– Чё ты натворил, ирод? – бабка Ага неслась мимо кочек, разбрызгивая ядовитую коричневую воду своими сапогами. – Всех поубивал змеючков! Ведьмак ты! Видеть тебя не хочу! Убивец! – повернулась и, не разбирая дороги, рванулась назад.

3

Сергей скорее кинулся прочь, подальше от этого проклятого места, бежал час, а может, и два, наконец, выбрался на сухую полянку. Упал, сбросил сапоги, полные воды, стянул мокрые штаны – все ноги в укусах! Распухли, красные, кровь течёт, и руки такие же, но поменьше, хорошо, что до лица не добрались. Вспомнил про бабкину мазь, достал баночку, всё смазал, руки и ноги, и завопил от боли – их сразу словно облили кипятком, словно сдирали кожу, вздулись и распухли ещё сильнее. Быстро вытащил из кармана куртки бутылку с водой – слава Богу догадался её взять, – обтёр укушенные места. Стало легче, кожа уже не горела, упал в тень и замер, боялся пошевелиться.

Мазь оказалась клёвой! Скоро опухоль на ногах и руках сошла на нет, следов укусов не стало видно, в голове прояснилось, чувствовал себя нормально. Полежал ещё немного, встал и пошёл домой. Тропки никакой не было, продирался сквозь кусты, обходил деревья, оглядывался всё время – нет ли гадюк?

Благополучно добрался до домика, сел на лавочку у дверей. Тяжело вздохнул – ну и ночка! Спасибо бабке Аге! Только бы она не распахивалась, только бы не отказала от квартиры. Вспомнил о важном, достал из-под скамейки маленький медный колокольчик, улыбнулся и позвонил.

– Динь-динь-динь..., – тихонько запел он как давным-давно, тысячу лет назад, когда мальчик в светлой курточке играл с котёнком и того тоже звали Барсиком, но никак не Барсуком или Барселоном, ведь котёнок был совсем маленьким. Тогда мальчик жил с мамой в большом городе и стоило только позвонить – Барсик прибежал к нему из другой комнаты...

Сейчас же Сергей без труда договорился с мистером Рэдом, что тот тоже будет появляться на звоночек. И вот снова...

– Динь-динь-динь..., – через несколько минут откуда-то, из редких досок заборчика, возник рыжий Барсик! Пронесся стрелой, запрыгнул на колени, и замурчал, запел свою радостную песенку.

– Как прошла охота? – спросил его.

– Мур-р-р, прекрасно!

– Много мышей поймал?

Барсик хитро прищурил зелёный глаз, сделал вид, что вспоминает-считает.

– Мур-р-р, сто штук, но осталось ещё больше,

– Молодец! Тогда идём загорать! – Сергей встал, поднял кота и пошёл на своё любимое место, на солнечный холмик.

Там быстро разделся, лёг, котюга растянулся рядом и продолжал мурчать.

Снятой у бабки Агафьи комнаткой был чрезвычайно доволен.

И не только тем, что даром – лишь копать огород, колоть дрова и караулить дом, весь посёлок лечился у неё, никто бы не полез, бабку любили и побаивались, а чужие люди тут не ходили.

Доволен был самим домом – маленький, из потемневших брёвен, с двумя окошками, стоял на невысоком холме, покрытом редким кустарником и выгоревшей до белизны травой. Стоял вольготно одиноко на краю посёлка, почти рядом с железной мачтой-башней линии электропередачи. Её провода возникали из леса и уходили дальше в лес, к другой такой-же башне. И пели-гудели всё время, круглые сутки, то тише, то громче...

4

Уже месяц с лишним живёт тут и почти каждый день лежит – загорает, впитывает солнце, чувствует, как оно наполняет его силой. Немного задремал, не слышал, как рыжий котюга снова сбежал в лес. Встал, жарковато, надо пойти в дом. Ехать в институт опасно, ведь совсем не спал, ещё уснёшь там всем на смех.

Лег в своей комнатке на кровать, но сна, почему-то, не было, выпить бы какую-нибудь таблетку. И вспомнил – не так давно тоже не спалось и бабка Ага дала чёрную бутылочку...

В тёмном коридорчике она собиралась в лес за травами, увидела его, спросила насмешливо:

– Чё, Сёмка, не спится? Думаешь, поди, много о лишнем, ненужном, о девках-вертихвостках, ходят, жопами крутят, прости Господи, откель и взялись, ране таких не водилось... Ох, не к добру это, не к добру...

Молчал, ответить было нечего, да и зачем? Её все равно не переубедить, но вспомнил вдруг девиц со своего курса: разных, но и одинаковых – всегда мрачных и озабоченных. Бабка сунула руку в бездонный мешок-сумку на плече, вытащила маленький пузырёк.

– Голову себе забил, вот сон от тебя и бежит. Держи, дам тебе капелек сонных..., – подала пузырёк. – Пять капель на полстакана воды, пей кажинный день вечером, и на девок перестань слюни распускать.

Взял стекляшку, открутил белую пробку, осторожно понюхал. Запах был ещё тот! Сшибал напрочь с ног! Воняло каким-то болотом и даже падалью. Чуть усмехнулся.

– Отрава...

Бабка резво протянула руку забрать пузырёк, спрятал его за спину.

– Дурень ты, и уши холодные, – она, вроде бы, даже рассердилась, хотя прежде сердитой не видел её ни разу. – Запомни, в лесу отрава не растёт, там только всё полезительное, не сумлевайся. Пять капелек, понял, больше не надо, – сказала и вышла, только дверь чуть скрипнула.

Снова осторожно открыл и понюхал пузырёк – точно, отрава! Усмехнулся – не бойсь! Никто от бабкиных капелек пока не помер. Налил полстакана воды и решительно начал капать. Но какие пять! Сразу вылилось полпузырька! Вода потемнела, пошёл какой-то шип.

Засмеялся, сказал весело и беспечно:

– Классная газировка получилась! Имени бабки Аги!

А веселился совершенно напрасно, не задумывался из чего сделаны эти капельки. А ведь она их настаивала на ядовитых мухоморах – обязательно перезревших, почерневших, – и добавляла туда отвар разных корешков, известных только ей одной. Любопытно, узнав состав капелек, сразу бы грохнулся в обморок. Бабка Агафья лечила ими все болезни, но для каждой отмеряла строгое количество капелек и число приёмов в день.

Ничего этого, конечно, Сергей не знал и даже не догадывался, капли как капли, вроде валерьянки, собрался уже пить, но тут его Ангел-хранитель – говорят есть такой у каждого хорошего человека, – толкнул под локоть и больше половины стакана пролилась, коричневые доски пола сразу стали почти белыми.

Сергей ничего не заметил, вернее заметил, но ничуть не удивился, зажал пальцами нос, закрыл глаза и всё оставшееся глотнул залпом. Даже крякнул – дурачок есть дурачок! – стакан хотел поставить на стол. И вдруг стены комнаты начали медленно, неумолимо сдвигаться, всё теснее и теснее, собирались раздавить. Сердце билось, трепыхалось, словно пойманная птичка в кулаке. Пошатнулся, выронил стакан, всё вокруг поехало колесом. Упал лицом на пол, провалился в чёрную, бездонную яму...

Вторник

1

Сергей, он же Серёга, иногда, редко, Малина – его фамилия была Малинин, шёл-бежал по тропинке. Торопился, ведь после бабкиных капель проспал на полу не вставая до утра. Невысокий, худощавый, короткие светлые волосы, высокий лоб, лицо обычное, нос, глаза и рот тоже, таких парней кругом полно.

Был студентом пединститута, опаздывал на лекцию, боялся – грехов за ним накопилось немало, в деканате давно смотрели косо на прогульщика, грозились снять со стипендии. А это полный кирдык – переводы от дяди, брата покойной матери, были весьма небольшими.

А день выдался чудесным! Солнышко светило ярко, гладило тёплыми лучами-руками, ветерок дул ласково и нежно, на синем небе ни облачка. Хотя ветер может разом смениться на северный и тогда налетят чёрные облака и начнётся дождь. Настроение у него было тоже отличное и голова удивительно ясной, всё-таки бабка Ага с её каплями молодец!

Вдруг захотелось петь или читать стихи, и начал – громко, благо никого нет близко:

Холодно жить на земле,
Холодно быть одному,
В чёрной, унылой тоске
Кажется, жизнь ни к чему...

И замолчал, мрачноватые стишата его не вязались ни с ясным днем, ни с прекрасным настроением.

Скоро тропинка привела к железнодорожным путям, остановился – справа медленно тянулся длинный грузовой состав, бесконечная гусеница одинаковых темных вагонов, а слева уже нёсся пассажирский поезд – красный тепловоз и зелёные набитые людьми коробки. Движение здесь было весьма оживлённым – поезда следовали один за другим.

Недалеко – метров сто – был переход через пути, железный, надёжный мост, но редко кто из деревенских им пользовался, надо подниматься-спускаться, все ходили напрямую. Тут главное смотри в оба, иди и оглядывайся, не зевай.

2

Вот и сейчас, едва прошёл товарняк, на путях показалась девчонка, быстро бежала-прыгала через рельсы, только мелькали длинные ножки. Слава Богу – проскочила благополучно, перед самым носом страшного тепловоза, тот только загудел, как древний мамонт.

Подскочила поближе – высокая, стройная, красивая. Личико милое, губки бледные, без следов помады, тёмные волосы сзади болтаются хвостиком, небольшим и симпатичным. Улыбнулся ей, сказал:

– Быстро бегаешь-скачешь, как заяц! Молодец! Но гляди, не запнись!

Тоже заулыбалась, словно были давно знакомы, хотя видел её первый раз.

– Сам не шлёпнись! А то отрежет тебе яйца и прибор! Как жить-трахать станешь? – и спросила потом:

– Ты кто такой, весёлый? Студент, чё ли, который у бабки Агафьи живёт?

Сергей опять улыбнулся, девчонка эта ему сразу понравилась.

– Вроде бы я...

– Клёво! А зовут тебя как? Имя-то есть?

– Имеется, Сергей я,

– Серёга, значит, ясно. А я Тома...

Он удивился и даже малость огорчился, имя это не понравилось, никак не подходило к ней.

– Какое-то странное имя...

– Сам ты странный! Шизик какой-то, про меня даже песня есть, может слышал? Давай, спою, – и, не дожидаясь ответа, запела:

Тома, Тома,

Выходи из дома...

Голос у неё оказался довольно приятный, снова улыбнулся.

– Никогда не слышал такую...

Тут она ему выдала, без запинки:

– Ну, ё-ка-лэ-мэ-нэ! А чё ты вообще слышал? Тебе твоя кликуха тоже не светит, ты Иван!

Снова удивился.

– Почему?

– По-кочану, понял? Оно мне не катит! В сказках есть такой Иванушка-дурачок. Точняк – это про тебя!

Рассердиться на болтушку не мог, так смеялась-улыбалась прекрасно-замечательно, а она продолжала:

– Колись, бабка Агафья дома, или усвистала в свою деревню?

– Угадала, свалила туда, – постарался попасть ей в тон.

Тут Тома эта вдруг обрадовалась, хотя радоваться, вроде бы, было нечему. Снова заулыбалась, зубки белые, ровные...

– Один, значит, кукарекаешь там? Тогда приду, проверю, как живёшь,

Сергей малость испугался – этого ещё не хватало! Девица оказалась какой-то настыр-ной, таких не любил и даже побаивался, имел печальный опыт обращения с ними там, дома, в школе. Одна всё учила его целоваться... Торопливо сказал:

– Не застанешь, бываю тут мало, занимаюсь, в читалке сижу.

Тут Тома развеселилась по-настоящему, не просто улыбалась, а хохотала во всё горло.

– Ну, ты даёшь! Прикинь – просто профессор! Только очков нету, и бороды! Заучился, бедный – дохлый, как скелет! Принесу тебе котлетку, подкормишься, иначе ничё у тебя работать не будет!

Он от таких её слов только рот открыл, а закрыть не получилось, так и стоял, правда – дурак дураком. А Тома всё своё:

– Ночевать приходишь? Вот и я приду ближе к ночи, погляжу, какой ты трахальщик!

Совсем этим его убила, покраснел, как морковь, а она ещё громче.

– Ха-ха! Не бойсь, у меня СПИДа нету, справку покажу! Готовься, Серёга-Ваня! – и побежала, понеслась по дорожке вдоль домов. Вскидывала коленки высоко, чуть не до пояса, юбочка, коротенькая, серенькая в клеточку, вилась возле них. Вилась – задиралась так, что увидел беленькие трусишки... Улыбнулся, сказал вслух:

– Девка молодец! Просто супер! Надо будет у бабки Аги узнать, кто такая. – Она ему весьма понравилась, сам человек не из весёлых, точнее просто грустный, испытывал симпатию ко всем весельчакам. Стоял, улыбался и глядел, пока она не скрылась за домами.

3

Очень боялся, что в деканате его возьмут за жабры – прогулял вчера все лекции из-за бабки Аги, но обошлось, никто и не заметил. Только староста группы – Ирка – погрозила кулаком, улыбнулся ей, хотя и знал: всё равно отметит прогул, служба у неё такая. И подумал, а может, встреча с Томой оказалась счастливой? Спасла от выговора – уже третьего по счёту.

Вспомнил её легкомысленную болтовню и снова улыбнулся – на душе малость посветлело, почувствовал себя не таким одиноким.

Началась лекция, в аудитории устроился, как всегда, в последнем ряду, сел и закрыл глаза. Лектор, молодой и кудрявый, что-то увлечённо рассказывал, не слушал, даже немного задремал, не закрывая глаз.

Но вот лекции кончились и все потянулись кто куда – домой или в столовую, была в этом же здании, в подвале, Сергей тоже двинулся вниз. В небольшой очереди старался не глядеть на стоявшие на раздаче разные вкусности, а было их там немало. Салат из красных помидорчиков с зелёным лучком, ещё один – тёртая свеколка со сметанкой, тарелки с огненно-красным борщом и супом вермишель с курицей. И котлеты! Большие, жареные до коричневой темноты, картофельное пюре рядом, а на нём кусочек сливочного масла...

Стоявший перед ним толстый Петька резво собрал на подносе и салат, и борщ, и котлеты – две порции, четыре штуки! Компота два стакана, один из сухофруктов, другой – консервированные мандарины... Сглотнул набежавшую слюну, сказал ему в спину:

– Куда набрал столько? Гляди, не лопни!

Петька не оборачиваясь ответил весело:

– Не бойсь! Всем известно – пока толстый сохнет, худой сдохнет! – и дошёл, потащил скорее свой корм. Такой довольный в предвкушении обжорства, улыбался-смеялся, что Сергей не выдержал.

– Уронишь! Вот будет смехота!

Но, конечно, ничего Петька не уронил, спокойно прошагал дальше, а Сергей поставил на свой поднос тарелку самого дешёвого картофельного супчика, ещё тарелку с одной котлеткой, а пюре – тоже картошечка – побольше, масло не взял, прихватил два стакана чёрного, безвкусного чая, подвинул всё кассирше и протянул заранее отсчитанные копейки. Та взглянула – за ним никто не стоит, чуть улыбнулась.

– Тебе сегодня бесплатно, проходи...

Не удивился, так бывало не раз, сунул деньги в карман, и потащил поднос, глядел внимательно на столики – важно было выбрать за которым никто не сидел и хлеб на тарелке лежал нетронутой высокой горкой, ведь был бесплатным, дармовым.

Нашёл такой дальний столик, сел, суп оказался горячим и вкусным, котлетка ещё вкуснее, хотя и очень маленькая, чай крепко-сладким. Быстро съел половину хлеба, остальное аккуратно завернул в бумажные салфетки и положил в карман.

Тетьа Маша – кассир столовой, пожилая, добрая женщина, его жалела, – если никто сзади не стоял и не видел, деньги за обед не брала. Вроде бы всё хорошо – еда стоила копейки, – но сейчас он вдруг подумал: Зачем? Зачем эта милостыня? Что он – нищий? Нет, и в подачках не нуждается! Чувство собственного достоинства у Сергея было болезненно-обострённым. Решил – нет, так дело не пойдёт!

Отсчитал снова деньги за обед, всё до копейки, дождался, когда у кассы никого, подошёл, положил на тарелочку, чуть улыбнулся.

– Большое спасибо вам, но больше не надо, мне бабки дядя присылает...

4

В этом городе – не большом и не маленьком, среднем, – педагогический институт и колледж искусств, бывшее культпросветучилище, стояли почти рядом, по две стороны большого старинного сквера. Здание института было новое, четыре этажа огромных окон, светлое, недавно поштукатуренное и покрашенное, в нежно-кремовый цвет.

Колледж наоборот находился в невысоком кирпичном доме, построенном ещё в прошлом веке купцом-благодетелем для гимназии, в которой учились его дети. Окна небольшие

и там всегда сумрачно, горел свет даже днём. Но, всё равно, здание было намного красивее коробки-новодела.

Институт появился в городе не просто так, а стараниями его мэра, до этого было обычное педучилище. Мэр же решил добиться, чтобы здесь был вуз. Это дело оказалось непростым, в областном центре идею поддержали, но в министерстве завернули все бумаги – город небольшой, всего сто тысяч жителей, хватит и училища, а для института нужно не только здание, но и преподаватели с учёными степенями.

Мэр молодец, не отступил, собрал директоров всех предприятий, а были тут не просто заводы, а фирмы, связанные с нефтянкой. Поставил перед ними задачу – построить новый дом для будущего института и выделить десять квартир для переманенных кандидатов наук.

Никто не возражал, у многих подрастали детки – и у мэра тоже, – отправлять их в другие города не хотелось, а диплом любой есть диплом, как говорится: он и в Африке диплом. Построили шикарное здание, из соседних больших городов ключами заманили десять кандидатов разных наук, и мэр поехал в министерство. Кроме фотографий нового здания и разных бумаг повёз нужным людям сибирские сувениры – знаменитых малосолых муксунов, нет лучше закуси под водочку!

И всё решилось – на новый дом повесили новую большую и красивую вывеску, есть в городе вуз! Правда, из десяти приехавших кандидатов трое оказались самозванцами с фальшивыми дипломами, ещё трое – крепко пьющими, но это уже детали. Институт работал, ковал педагогические кадры.

Сергей поступил сюда на историко-филологический факультет не потому, что мечтал стать педагогом. Больше поступать было некуда. Хотел бы стать астрофизиком, изучать далекие звёзды и планеты, открывать новые галактики и Млечные пути. Или же биологом-генетиком, тоже очень интересно. Но для этого надо ехать в областной центр, где университет и такие факультеты, а денег не было, после смерти матери жил у дяди, простого рабочего на железной дороге.

Но дело даже не в деньгах, поехал туда и без них бы, проблема в математике, физике и химии, такие вступительные экзамены ему не сдать, эти предметы не понимал, в школе троечки по ним ему ставили больше из жалости. Поэтому и попал в пединститут, на историко-филологический факультет, учиться хотелось, а что будет через четыре года – неизвестно...

5

Сергей сидел в институтском сквере на дальней скамейке, грелся на солнышке, даже глаза прижмурил – как его рыжий кот мистер Рэд, он же Барсик – Барсук – Барселон, только что не мурлыкал.

В пединституте парней было немного, а в колледже и того меньше, одни девушки, и в этот теплый летний день сквер полон студенток. После холодной, долгой зимы – надоела до чёртиков! – все они с облегчением сбросили тёплые кофты, юбки и даже джинсы. Фигуряли в светлых кофточках, расстёгнутых до середины, и груди-яблочки наполовину выскакивали из узких лифчиков, у одних яблочки были маленькими, незрелыми, у других – дыньками-«колхозницами».

Коротенькие юбочки чуть ниже пупка – у всех, как ветерок дунет посильнее – взлетают, и желающие могут видеть какого цвета у них трусишки-плавочки: голубенькие, белые или розоватые. Но никого это не смущало ни на копейку.

Девушки парами, или по трое, медленно ходили-гуляли мимо скамеек, на них сидели не только другие студентки этих двух уважаемых учебных заведений города, но и жители – немало! – соседних улиц. И не просто сидели – активно обсуждали то, что видели, но девиц это тоже нисколько не смущало, громко хихикали и весело разговаривали.

Сергей грустно глядел на парад – почти все они мало красивые, низкорослые, с плохими причёсками, ноги у многих слишком тонкие – «зажигательные, как спички» или же «музыкальные, как у рояля», толстоватые. Жалел их – трудно будет найти мужа, а ведь каждая хотела встретить своего парня и мечтала скорее выйти замуж.

Никто из них ему особенно не нравился, хотя, конечно, были девчонки совсем даже ничего, и вдруг... Вдруг увидел – идут под руку две сестры-близняшки, удивительно похожие друг на друга: высокие, светлолицые, волосы одинаково-пышные, тёмно-каштановые, пенились на головах и чуть спускались на плечи. Одна в лёгком, коротком – намного выше коленок, – голубоватом платье, другая в таком же, но розоватом, и она понравилась ему больше. Почему? Никто не знает.

Красивее, точнее – привлекательнее – той длинноногой девчонки, бегущей через рельсы. Думал так, и напрасно – поглядеть бы на них до макияжа, а потом и сравнивать, так было бы справедливо. Но увы – Сергей по молодости лет, да и по глупости, не усвоил простую истину – народную мудрость: «не всё то золото, что блестит».

Девушки прошли, даже не взглянули в его сторону, и он грустно подумал: вот хорошо бы познакомиться с ними, особенно с той, в розовом...

И тут вдруг...

Вдруг что-то случилось с его глазами – здание института перекошилось, словно хотело упасть, сидевшая неподалёку на скамейке женщина исчезла. Скорее зажмурился, закрыл лицо ладонью, и возникли чёрные стены... Возникли, и стали медленно сдвигаться, хотели раздавить...

6

Не видел, как на крыльце здания института появился его однокурсник Колян, он же Никола и Хохол – Николай Хохлов. Стоял и с довольной улыбкой глядел вокруг. Настроение было чудесное! Солнечно, тепло и дождика нет! А главное – в газете напечатана его информация про кафе «Ёлочка» – там появились новые вкусные салаты. Всего пятнадцать строк, но для них важно – реклама! Значит, можно двинуть туда, получить гонорар – подкормиться, что и сделает немедленно. Даже в столовку не пошёл.

Колян сотрудничал в редакции в отделе информации, хотя это громко сказано – писал маленькие заметки, печатали их через раз, без подписи. Мечтал публиковать там и большие материалы, со своим полным именем фамилией, а потом... Потом стать и штатным работником газеты.

Высокий, очень густые, чёрные волосы стояли даже немного торчком и этим гордился, всё время поднимал их рукой и даже специальной расческой с частыми зубчиками. С полным основанием считал себя самым красивым парнем не только на факультете, но и во всём институте, конкурентов у него было мало.

Большие, круглые очки придавали ему ученый вид образцового студента, надежды исторической и филологической науки. И никто не знал, что стекла в них были простыми, оконными, без всяких диоптрий, носил их для солидности. С Сергеем он не дружил, даже не приятели, просто во всей группе их только двое парней, вот и тянулись друг к другу. Увидел его и двинулся к скамейке, закричал весело издали:

– Привет! Спишь, чё ли? Спать надо ночью, а днём дела делать! О чём, бляха-муха, грустишь?

Сергею Колян не очень нравился своей бесцеремонностью, манерой всегда говорить громко, ответил тихо:

– Сиж, думаю о несправедливости в нашей жизни...

Колян остановился, никак не ожидал такого ответа.

– Нихера себе заявочка! Это ты о чём?

Отвечать ему не хотелось, не, всё же, сказал:

– Живу в комнатухе, где помещается кровать, тумбочка, один стул, и всё. А в газете «Аргументы и факты» прочитал... Знаешь такую? Я в читалке всегда беру вместе с учебниками.

Никаких газет, конечно, Колян сроду не читал, и вообще, кроме учебников, глаза свои не напрягал. Последней книжкой у него были «Веселые картинки» не то во-втором, не то в третьем классе, поэтому засмеялся:

– Ха-ха! Не знаю, её, и чё? Зачем она мне? Поделись, чё ты там такое ценное вычитал?

– Много интересного, чуть не офигел, – продолжал Сергей когда узнал, что у нас какой-то телеведущий из «ящика» заимел загородный дом-дворец в шесть, ты понял? – шесть этажей! И два бассейна! Прикинь – не слабо!

Колян сел на скамейку рядом, продолжал улыбаться.

– Точняк! Мужик молодец!

– Да ну тебя! Зачем ему всё это? Что за барство? Что за жадность? Ненавижу! Сколько у нас людей вообще без жилья.

На эти деньги можно было бы столько квартир построить для малоимущих, для многодетных...

– Ну, ё-моё! Ну, ты даёшь! Отбирать, чё ли, у него этот домик?

– Налог на роскошь нужен! – непривычно громко сказал Сергей. – Десять процентов в год от рыночной стоимости!

– Нихера никто платить не станет!

– Тогда и отбирать за неуплату, открыть приют для стариков или детский садик. Или вот – там же читаю: у одного чиновника часы за двести тысяч долларов! Усёк? Не рублей! А в рублях вообще миллионы!

Колян поднял руку, показал свои блестящие часы.

– Видал? Золотые!

Сергей усмехнулся, не поверил.

– Ну тебя, гонишь!

– Пока позолоченные, – Колян опустил руку. – А у тебя?

– Вот! – Сергей показал свои черные, из пластмассы, часики. – Подарок дяди, купил их когда-то за двадцать пять рублей. Ходят точно, только не забывай батарейку менять.

– Дешёвка! – пренебрежительно хмыкнул Колян. – Усекай и запомни, по часам определяют, что за человек, лох или деловой мужик.

– Ерунда! – решительно возразил Сергей. – Это по голове надо определять, соображает она что-то, или место для шапки.

И вообще нужен и налог на роскошь, и подходящий поменять, разве правильно, что уборщица и банкир один процент платят.

Вот в других странах с богатеньких налоги пятьдесят и больше процентов...

– Кончай нести херню! – произнёс Колян уже серьёзно. Этот Серёга парень неплохой, невредный, но дурак, ничё в жизни не сечёт. – Бабки, это всё! Каждый старается мешок бабла набить!

И жить красиво! Домик такой же! Тачка клёвая! А если ещё и яхту с самолётом личным, вообще блеск! Имел бы ты бабло, тоже дворец себе отгрохал!

Сергей сразу перебил уже громче, так удивили слова Коляна.

– Зачем он мне? Сейчас бы даром даже не взял бы!

Тут его собеседник вскочил со скамейки, хлопнул себя по бёдрам в полном восторге, разговор получился весёлым и интересным.

– Ха-ха! А я бы взял! Поселил во всех комнатах из общаги девок, чтобы были всегда под рукой! И под ногами! И тебе бы комнатку выделил, чтобы не стонал!

– Хохмишь всё, а смешного нет ничего, – грустно сказал Сергей. – В той газете правильно пишут: для богатых надо сделать большие налоги в пользу бедных, тогда у нас не будет ни нищих, ни миллионеров...

7

От такого непонятного ему упрямства Колян даже рассердился и, не садясь, закричал:

– Пошёл ты нахер со своей газетой! Какие нищие? Какие миллионеры? Это не твоё дело, думай о своей жопе: Староста бегала с тетрадкой, спрашивала, где ты. Вот твоя проблема, никто за тебя её решать не станет, пойми, ты никому не нужен!

Сергей молчал, сказать было нечего.

– Я ей выдал, был и ушёл в сортир, идём поищем! Ха-ха! Она так дёрнула по коридору, словно в задницу реактивный двигатель вставили! Даже тетрадку уронила!

– Это ты напрасно.., – заикнулся было, Колян снова сел рядом, продолжал всё так же напористо:

– Ты лох! Понял? Просто лох!

– Почему?

– По-кочану! От рождения такой! Давно бы сходил в деканат, к ректору, выпросил бы себе свободное расписание и на Ирку бы эту наплевал!

– Кто мне его даст...

– Выдай мама болеет, ухаживать надо!

Сергей опустил голову, сказал совсем тихо:

– У меня мамы нету...

Но Колян не обратил внимания ни на опущенную голову, ни на еле слышный голос.

– Сирота, чё ли? Тем более слезу пусти! А вот ответь мне, лох-сирота, ты как сюда экзамены сдавал?

– Не понял, что значит как? Обыкновенно, как все.

– Ночи не спал, зубрил, дрожал, что не попадёшь?

– Было дело, – вспомнил, как боялся каждого экзамена, как едва-едва набрал проходной балл...

– Ты не просто лох, а ещё и дурак! – закричал Колян и опять вскочил со скамейки. – Как сирота шёл без конкурса! Мог всё на тройки сдать без хлопот! Да никто двойку сироте и не влепил бы!

Недоверчиво глядел на Коляна, о таком не думал, не предполагал, снова тихо спросил:

– А ты откуда знаешь?

– От верблюда! Правила на стенке висели, там всё написано!

А ты их и не прочитал! Всё газетками интересуешься!

Так и было, правила приёма видел, но кроме заголовка читать не стал, а напрасно, прав Колян, сто раз прав. А тот смотрел на растяпу-придурка и пожалел.

– Быстро придумай чего-нибудь, пока не сгорел, добывай себе свободное расписание, пошевели извилинами. Вот я взял в редакции письмо, что являюсь внештатным корреспондентом и очень загружен работой. Теперь прихожу сюда, когда хочу и наплевать мне на Ирку с её тетрадкой!

Сергей завистливо вздохнул.

– Клёво устроился... Добыл бы и мне такое...

– Ну, е-ка-лэ-мэ-нэ! Ну, придумал! Чтобы такую писулю заловить, надо сначала десять материалов напечатать! И то сразу не дадут! – врал Колян не запинаясь. Заведующий отделом Иван Иванович согласился дать письмо сразу ж даже велел написать его самому, а потом подмахнул не глядя. И получился полный порядок! Такое письмо мог запросто взять и для Серёги,

мог, но зачем? Зачем создавать себе конкурента? А вдруг... Снова опустился на скамейку, сказал уже тихо-спокойно:

– Сходи к нашей врачихе, пожалуйста на переутомление, головка бо-бо, она тебе справочку вывалит. Не будь лохом! Это твои проблемы, сам их решай!

Сергей чуть улыбнулся.

– Если я лох, то ты жох!

Колян даже рот приоткрыл.

– Гонишь! Такого слова вовсе и нету!

– Есть, погляди словарь. А ещё и хват, тоже подходит.

– Хват, это точно, – согласился тот. – Нынче хватать надо всё, что можно. Не успеешь, другой сопрёт и будешь лапу сосать, как тот засранец-медведь зимой в берлоге! Время у нас такое, хватательное!

8

Сергей ему что-то говорил, возражал, Колян больше не слушал, знал – всё только слова, пустой трёп, годятся только на подтирку. Смотрел на проходящих неподалёку девиц – они все, – почти все! – ему улыбались загадочно и призывно. Был со многими знаком, целовались-обнимались и не только... Глядел, какую лучше позвать с собой в кафешку? Выбирал, какую покормить и попить сладким винишком. А что долго думать? Вот Аля и Ляля идут – девки первый сорт? Встречался с ними не раз, в кафе ходил с одной и другой, пили-кормились, потом волок её домой, и всё окейно!

Нужно сказать, что Аля и Ляля вовсе не были близнецами, просто старались быть похожими, одевались и причёсывались одинаково, и губки красили тоже одна в одну. Зачем? Чтобы привлечь к себе внимание мужской половины человечества.

Учились в школе они на тройки, об институтах-университетах и думать не думали. После восьмого класса поступили в колледж – близко от дома и родители довольны, детки при деле. Хотя всё их культурно-музыкальные способности ограничивались пением в школьном хоре.

В колледже им очень нравилось, жили весело и беззаботно, меньше всего собирались стать организаторами культурно-массовых мероприятий, принимали самое активное участие в праздновании всех дней рождений и просто вечеринках, которые проводились тут постоянно. Научились делать вкусные винегреты и тонко резать колбасу. А также пить водку, а не вино, крепко целоваться с парнями в губы и многому другому.

Главными проблемами в жизни у них были две: не по-толстеть и не забеременеть. С первой стравлялись очень трудно, совершенно невозможно отказаться от конфет и тортиков, а вторая была вовсе и не проблема – таблеточки анти-бэби продавались в каждой аптеке. Это во времена Мерелин Монро лучшими друзьями девушек были бриллианты, а нынче самые спасительные таблеточки, дар Божий. Без них в жизни счастья нет! Кроме того, у них, как и у всякой современной порядочной девушки, всегда в сумочке лежал пакетик презервативов, так и советуют врачи во избежание неприятностей...

9

Колян толкнул Сергея локтём в бок.

– Хороши эти девки, а?

– Хороши, – согласился тот.

– Фасонистые! У них даже трусишки в цвет платья.

– Да ну тебя...

– Точняк, зря болтать не буду. Какую хочешь трахнуть, или обеих? Одна Аля, другая Ляля.

Сергей засмутился, спросил чуть слышно:

– А эта, розовенькая, кто?

– Лялька! Значит, её! Молоток! Устрою тебе, прикинь, не пожалеешь! Сто тысяч раз мне спасибо скажешь! Но не даром, нынче ничё даром не бывает, с тебя бутылка коньяка! – Колян улыбался во весь рот, был очень доволен, девки высший сорт! Правда, лучше бы встретиться только с одной, ведь двух вести домой к себе потом опасно. Ну, да ладно, придумаем чего-нибудь по ходу дела, и скорее шагнул им навстречу.

– Привет! Привет! – и обнял, поцеловал в губы и одну, и другую – это так здоровался со многими знакомыми, никто не возражал.

– Ах.., – вздохнула Аля.

– Ох.., – повторила Ляля, так здороваться они обе очень и очень любили. А Колян продолжал всё так же радостно:

– Есть ценное предложение – посетить кафешку! Выпить немного и подкормиться! Есть повод – публикация в газете моего нового материала!

– Ой! Правда?! – воскликнула Аля.

– Покажь скорее! – попросила Ляля.

– Потом, газеты нет с собой! – не задумываясь соврал, она лежала у него в кармане, но показывать не хотел: в заметке было всего пятнадцать строчек. И подхватил мигом их под руки. – Идём живо, пока котлеты не остыли!

– Вау! Котлеточку схомячить, само то! – жизнерадостно сообщила Аля.

– Хрен тебе в зубы, а не котлетка, – ехидно сказала Ляля. – Сразу кило добавишь на задницу! Вот тебе и вау!

– Девки! Не собачьтесь! – Колян повернулся к Сергею. – Идём с нами в кафешку! Рубать компот!

Идти куда-то ему совсем не хотелось, но ведь была возможность познакомиться с Лялей, да и поесть что-то, почувствовал сразу голод.

– Компот? – спросил негромко. – Какой компот?

– Вишнёвый! Без косточек! – бодро продолжал Колян. – И ещё, кое-что, не сомневайся! Будет окейно! – и повернулся к Але-Ляле: – Возьмём его с собой, это Серёга с нашего курса, хороший парень, только лох!

Те внимательно разглядывали Сергея, все особы мужского пола их весьма интересовали.

– Какой-то дохляк, лицо зелёное, – негромко выдала Аля, не заботясь, что он может услышать. – Джинсы тряпочные, не кроссовки, а тапочки какие-то, у Коляна вот всё фирма.

И верно, ни на настоящие джинсы, ни на кожаные кроссовки у Сергея денег не было, купил недорогие, суконные полу тапочки. Очень удобные в жаркую погоду, но если дождь – мигом промокали насквозь, грозили развалиться.

– Ничё, – снисходительно сказала Ляля. – Главное, не штаны, а чё в них, мэн нормальный, – так она показала своё глубокое знание английского языка: помнила три слова, хотя учила его несколько лет. – Подкормим малость и порядок, может будет трахальщик первый сорт.

Аля ревниво возразила.

– Ты, чё ли, проверять станешь? Я тоже хочу!

Ляля в ответ с большим удовольствием и ехидной улыбкой сложила из пальцев внушительный по размерам кукиш и сунула подружке под нос.

– Вот тебе! Ты же его в дохляки определила! Сиди и не пукай, твоя очередь последняя, – и скорее подхватила под руку нового знакомого, помогла встать.

Колян слушал их разговоры и веселился – ну, девки, дают! Сергей же только моргал – половину слов не расслышал, другую половину не понял. Почувствовал к Але почему-то неприязнь, Ляля же, наоборот, понравилась ему ещё больше.

Они двинулись к выходу из сквера, впереди Колян с Алей, обхватил её за талию и что-то шептал весёлое в ушко, она громко смеялась. За ними Сергей и Ляля, держала его под руку, шли молча.

До неширокой дороги добрались быстро, светофора тут не было, а на указатели перехода шофера не обращали внимания – машины неслись одна за другой. Стояли, ждали окошка и вот, наконец, оно вроде бы, появилось.

– Вперёд! – Колян рванулся вместе с Алей, едва успели проскочить перед самым носом грузовика.

– И мы тоже! – завопила Ляля, кинулась за ними, не отпуская Сергея, добежали до спасительного тротуара, но длинная, чёрная машина проехала им почти по пяткам.

– Ну, мать твою так! – Ляля прыгнула на тротуар, Сергей за ней, оглянулся, сказал вслед «Мерседесу» без всякого умысла:

– Ну, паразит! Пропал бы ты! – взялся за ручку двери, и увидел: машина стояла поперёк дороги, другие её объезжали, сердито сигналили. Не придал этому никакого значения и пошёл.

10

Колян сразу углядел свободный столик, произнёс громко и весело:

– То, чё надо! Садитесь, сейчас всё будет тип-топ!

Народу в кафешке было прилично, официантки бегали от столика к столику.

Сели, Аля оглянулась, недовольно поморщилась.

– Нихрена себе! Проторчим тут час, пока они подойдут.

– Никогда! Дело имеете со мной! – Колян поднял руку и точно, официантка сразу подскочила, дежурно улыбнулась.

– Здравствуйте, всегда рады вас видеть, так и знали, что сегодня придёте. Что будем заказывать?

Колян по-хозяйски развалился на стуле, изображал постоянного клиента, который всегда кормится тут. С видом знатока начал говорить громко, чтобы слышали и за соседними столиками.

– Значит так, салатик помидорный с укропчиком, колбаски твёрдой пусть порежут потоньше, и сырку. Потом свиные отбивные, да скажите на кухне, чтобы отбили получше, жёсткие есть не станем.

Официантка понимала его игру, старалась не улыбнуться и записывала всё в маленький блокнотик.

– И апельсины! – перебила Аля. – Хочу их нюхнуть, пахнут Африкой! Пирамидами и песочком!

Ляля насмешливо глянула на неё.

– Вау! Какая тебе, нахрен, Африка? Они растут в Индии!

– Не возникайте! – Колян важно надул щёки и продолжал: – Неважно, где они растут, два кило этих фруктов.

– Красота! – Аля хлопала ладошками, поцеловала его, а он сказал ещё громче:

– Коньяку пузырь, армянского!

– Только молдавский, извините,

– Плохо живете, пусть поищут в подсобке, кто ищет, тот всегда найдёт.

Официантка только молча кивнула, тут и Ляля не утерпела.

– А вино сладкое какое есть?

– Рекомендую «Кадарку», болгарское, высший сорт.

– Ещё пузырь! – скомандовал Колян. – И побыстрее!

Сергей не слышал этот разговор, оглядывался вокруг – всё было интересно, ведь в таких местах бывал очень редко, даже выпускной вечер тогда состоялся в простой столовке. Посмотрел на Лялю, улыбнулся, какая она красивая! Спросил у Коляна:

– Зачем так много? Это же всё дорого...

Тот снисходительно взглянул на него.

– Не мечи икру! Для нас тут бесплатно!

– Как бесплатно? Почему?

– Да! – встряла в разговор Аля. – Коленька всё может!

– И всё умеет! – поддержала Ляля. – Схоячим всю эту кормушку задарма! Мы уже ходили сюда с ним!

Колян слушал их и довольно улыбался – ловко он придумал! Маленькая заметочка в газете, что в кафе появились новые, вкусные блюда – и пожалуйста! Обед бесплатный! А таких кафешек в городе полно, питался там частенько. В рестораны пока не совался, но будет и там.

– Всё очень просто, – ответил Сергею негромко. – Реклама!

Я написал малость про них хорошее, а они мне обед. Кому плохо? Всем хорошо! Все путём – справедливо!

А Сергей удивлённо молчал, о таком и не подозревал, ловко Колян устроился! Нельзя не позавидовать, ему бы так. Официантка подкатила с раздачи столик, начала выставлять тарелки с закусками, и две бутылки – короткая с коньяком, длинная с вином. Колян сразу взял короткую, взглянул, сказал довольно:

– Ага! Вот и армянский нарисовался!

– Только для вас! Нашли последнюю бутылочку! – официантка подала ему большую, красивую коробку конфет. – Директор просил вручить с благодарностью!

Колян открыл коробку, конфеты оказались большими: круглыми, в ореховой крошке, Аля не растерялась, цапнула одну и Ляля сразу стукнула её по руке, конфетка шлёпнулась обратно.

– Брось каку! Ещё потолстеть хочешь? Сразу на полкило от неё!

Аля скорее подняла конфетку, быстро сунула в рот, проглотила, почти не жуя.

– Вау! Вкуснотища!

Тогда и Ляля схватила конфетку и отправила себе в ротик.

– Ха-ха! Не подавись! – ехидно выдала Аля, они только изображали дружбу, на самом же деле завидовали друг другу и часто просто ненавидели, старались пакостить по мелочам.

Колян начал было разлизать коньяк по широким бокалам, Сергей сразу прикрыл свой ладошкой.

– Мне не надо, налей вина.

– Ты чё, охерел? – удивился, но уговаривать не стал, чуть плеснул ему «Кадарки», но только тот отвернулся, сразу добавил туда коньяк, получился почти полный бокал.

– За любовь! – сказал Колян первый тост, всегда так говорил, и все выпили, начали молча поглощать колбаску, помидорчики и сыр. Стараясь не отставать Сергей осушил весь бокал и сразу ударило в голову, всё вокруг закружилось. Вдруг почувствовал – к его ноге под столом прижалась нога Ляли, тёплая, и даже горячая...

Подспели котлеты, оказались такими нежными и вкусными, просто мечта! Ее приходилось есть никогда ничего похожего! Разламывал их вилкой и проглатывал.

– Рубай компот! – гордо сказал Колян, – Вижу понравилось, придём сюда ещё. Тут меня боятся, если напишу в газете, что свои салаты по три дня в холодильнике держат, им придётся закрывать лавочку, – разлил остатки коньяка в три бокала, Сергею вино, все выпили и он тоже, хотя уже звенело в ушах и чувствовал, что не надо бы.

Аля и Ляля ловко и быстро чистили апельсины, жадно ели, запахло какой-то счастливой, далёкой страной, где они растут просто так – протяни руку и сорви.

– А теперь по конфетке, один хрен, – нажрали по два кило; – Аля взяла из коробки сразу две, и Ляля тоже. В коробке осталось их всего ничего, Колян схватил парочку, сунул одну Серёге, закрыл пустую коробку.

Всё было выпито и съедено, можно уходить. Аля вытащила из сумки белый пакет, сунула туда несколько последних апельсинов, сразу подошла официантка.

– Всё хорошо? Господа довольны? – спросила всё с той: дежурной улыбкой.

– Окейно! – ответил Колян. – Передайте большое спасибо повару за котлеты, мягкие и вкусные! И хозяину за конфеты!

11

Все встали, Сергей пошатнулся, опёрся рукой о стол, Колян взял его под локоть, помог выйти и усадил на скамейку возле соседней автобусной остановки. Поглядел, как он чуть не дремлет, что делать? Можно, конечно, просто посадить на автобус, пусть едет до дома. Но если полиция заметёт, придёт «телега» в институт – лоха отчислят. Всё-таки жалко дурака, и поговорить будет не с кем.

Но, главное, придётся тогда волочь к себе домой этих двух девок – опасно и крайне нежелательно: было такое один раз, они там подрались, каждая хотела лечь первой...

Оглянулся, Аля и Ляля стояли неподалёку, хихикали, может над слабаком Серёгой – отрубился из-за мелочи, у самих ни в одном глазу, тоже пили коньяк и вино.

– Значит так, – сказал им строго, – Алька идёт со мной...

Ляля сразу перебила:

– Я тоже хочу!

– Ты завтра, и заткнись! – грубовато ответил Колян, знал, сейчас подружому с ними нельзя.

Алька, дура, захихикала ещё громче:

– Потерпишь! Твоя очередь вторая!

Лялька сразу надулась, чуть не заревела, её скорее утешил.

– Прикинь, Серёга мне специально вывалил ещё раньше: только Лялечку любимую, больше никого, на других нету охоты. Поэтому двигай с ним, узнаешь, где живёт и потрахаешься.

Конечно, Ляля поняла, хочет просто избавиться от неё, чтобы не мешала, но возражать не стала – надо проверить нового мэна на что способен, да и с Коляном ссориться ни к чему.

– Лады, сделаю его, – села рядом с Сергеем, закинула руку за спину, положила на плечо. Алька же сразу подхватила Коляна и потащила, повела, дорогу к его дому знала хорошо. Проводила их взглядом, сказала громко, не обращая внимания на стоящих рядом людей:

– Ну, сучка! Течка началась!

Сергей приоткрыл глаза, произнёс негромко:

– Сколько тебе хлопот со мной, шла бы домой...

– Ништяк, – ответила Ляля, – поехали, вот и автобус подвалил.

В душном автобусе он дремал, то открывал глаза, то закрывал, потом повалился ей на колени – сидели рядом, – погладила его по голове.

– Потерпи малость, скоро получишь. – На них никто из пассажиров не обращал внимания, дело обычное.

У вокзала она увидела высоченный переходной мост, закричала весело:

– Ну, ё-моё! Нихера себе мостик! Ходите по нему сами! – оглянулась на Серёгу, тот стоял, закрыв глаза, и вдруг подумала: «может, плюнуть на всё и свалить, ведь видит его первый раз,

а столько возни...» Потом схватила за руку и потащила прямо через пути – не зря же пёрлась сюда так далеко. Прыгала весело, командовала громко:

– Живее шевели копытами! Подымай ходули выше!

Проскочили благополучно перед самыми носами тепловозов,

он взял её под руку, повёл по дорожке.

– Здесь так тихо, спокойно, благодать, сейчас познакомлю с мистером Рэдом...

Остановилась удивлённо,

– С кем? Разве не один живёшь?

– Это кот, большой и рыжий.

Снова засмеялась,

– Сам ты кот! Я кошек не люблю!

В домике с усмешкой разглядывала убогую комнатуху, старую кровать, тумбочку и стул, а Сергей только пробормотал:

– Вот мы и пришли, так я и живу, сейчас... – снял тапочки и повалился на кровать – смесь коньяка и вина действовала, – и засопел чуть слышно.

Ляля глядела на него изумлённо, такое с ней было первый раз, всего ждала – мог наброситься с поцелуями, даже сорвать платье, этому бы не удивилась. Но чтобы парень уснул сразу, до любви... Потом, пожалуйста, было тысячу раз.

– У тебя, Серёга, крышу снесло, – только и сказала, подошла к тумбочке, открыла верхний ящик, какие-то бумаги, ручки. Открыла нижнюю дверцу, там какое-то бельё. Увидела на стене, на гвоздиках висит старая, поружелая простынка, сняла её, а там целый гардероб!

Тоже на гвоздиках висят рубашки, зимняя, тоненькая и холодная, курточка, дешёвый пиджачок. Произнесла с удивлением:

– Что за хрень! – засунула туда во внутренний карман руку, пусто, засунула в другой – вынула какие-то бумажки и помятый паспорт, открыла его.

– Вот ты кто – Калинин, Сергей Васильевич... А то трахаться неизвестно с кем. – Смотрела на фотографию, она была плохая, какой-то сопляк тарачился испуганно. Сунула всё обратно подошла к кровати – не затем же сюда пёрлась, чтобы на спящего любоваться. Решительно сдернула с него рубашку, майку и джинсы, презрительно глянула на пёстрые, старые и чуть ли не дырявые, трусы. Начала было раздеваться сама, расстегнула платье, но надо проверить – стоит ли? Вызывал этот мэн у неё большое сомнение. Сунула ему в трусы руку, не нашла то, чего хотела, сказала зло:

– Ну и херня! – застегнула платье и сразу быстро ушла. Как говорится, получились напрасные хлопоты...

Откуда же появляются такие Ляли и Али? Были маленькие, кудрявые, ласковые ангелочки, пели песенки, читали стихи вслух гостям, им аплодировали, целовали. Ходили в детский садик, потом в первый класс, стали постарше – родители и не заметили, как дочки начали меняться, у них появились новые подружки, а потом и друзья-мальчишки. Учились всё хуже, приходили домой поздно, ни мать, ни отца не слушались, началась своя жизнь, в которой им уже места не было...

Среда

1

Сергей вышел к железной дороге, день солнечный, светлый, но на душе тоскливо. Голова после вчерашнего коляниного кафе тяжелая, в ушах звон. Глядел, как мимо несутся зелёные вагоны пассажирского поезда, в каждом полно людей, все куда-то едут. Подумал – хорошо бы сегодня не опоздать, успеть на первую лекцию, порадовать старосту. И побежал, но не на мост, а напрямиком, через пути.

Бежал и вспоминал Лялю – вчера проводила его до дома, такая милая... А что потом – не помнил, как отрубило, значит ничего, ушла и всё. Перескочил через первые рельсы, состав только что прошёл, а на вторых огромный, красный динозавр-тепловоз уже показался на повороте. И вдруг... Вдруг запнулся, упал... И ничего не успел понять – дикий рёв ударил, вдавил в землю, красная смерть – вот она.

Инстинкт самосохранения сработал – отчаянным усилием успел сползти с рельс – они гудели как струны гигантского рояля, – вцепился, ломая пальцы, в щебёнку, в песок и замер – с грохотом состав пронёсся рядом – товарняк, сотня вагонов, и всего полметра отделяли его от гибели.

– Мама! Мамочка! – закричал, заплакал в голос отчаянно, но этот вопль его был никому не слышен и не нужен, воздушный вихрь всё тянул и тянул под колёса, не отпускал свою добычу. Ломал не только ногти, но и пальцы, старался удержаться за ставшую вдруг такой родной землю.

Неминуемо погиб бы, но – как говорится, – карты легли иначе: умирать Серёге Малинину ещё рановато. И вот по соседнему пути – тоже совсем рядом, – пронёсся пассажирский поезд. Поднятый им новый воздушный вихрь вырвал его из под товарняка, вырвал, но стал затягивать под себя. И снова он вцепился в землю, в песок, в щебёнку, снова кричал дико и страшно, рвало в разные стороны, сил бороться больше не было.

И вдруг всё кончилось, стихло, оба состава пронеслись дальше. Не веря в своё спасение Сергей приоткрыл глаза, с трудом, кое-как, перекатился-перевалился через рельсы и пополз. Скорее! Скорее! Ведь сейчас появятся новые поезда...

Наконец смертельные пути остались позади, поднялся на колени – джинсы были мокрые, грязные, обмочился со страха, хорошо ещё что не обделался по-большому. Смотрел вокруг – мир был прекрасен! Голубое небо, яркое солнышко, зелень деревьев. Вздохнул глубоко – жив! – собрал последние силы и встал.

2

Из рассказа одной из жительниц посёлочка.

Иду я, значит, к мосту, через рельсы эти, проклятые, не ходила никогда и не пойду, хоть тыщу рублей дай. У нас тут каждый год люди гибнут, прутся, дурни, напрямиком. Видела один раз, что от них остается – мясорубка! Больше не хочу...

Прошла немного и вижу – парень этот, студент, чё ли, который у бабки Агафьи живёт, идёт через пути, сопляк ещё, ничё не соображает. Ну, ладно, шагаю дальше – дело его, и тут гудок тепловоза – длинный, страшный. Оглянулась, а он упал, запнулся, небось, поняла – всё! Завещание писать поздно.

Но гляжу – вывернулся как-то, к другим рельсам, не в ту сторону, дурак ведь. А по вторым путям другой поезд несётся... Отвернулась и пошла, глядеть не стала, известно, что будет, а у меня нервная система слабая.

Оба поезда пронеслись с рёвом, стало потише, хоть и не хотела, а посмотрела – батюшки мои! Живой! Чудо какое-то! Идёт, качается, наверное, бабка Агафья его заворожила, а, может,

в рубашке родился. А он падает да встаёт, встаёт да падает, весь из себя грязный. Думаю, сейчас шлёпнется, что делать? Ведь на работу опаздываю.

Решила, если упадёт да не встанет, то пойду к нему, всё-таки живой человек. И точно, упал! И вставать не собирается, лежит не шевелится. Двинулась к нему, а он поднялся, сначала на колени, потом прямо, заковылял дальше. И слава Богу, скорее побегла к мосту, на работе выговор получила за опоздание...

3

Дома замочил всё грязное в большом баке, надел новые майку и трусы, джинсы – они у него были одни, – прополоскал и повесил на забор, на самое жаркое место, лёг на свой любимый солнечный холмик, тяжело вздохнул и закрыл глаза...

Думал, что от всего случившегося уснёт мертвым сном, но ни фиги! Сна не было ни в одном глазу! Больше того, появилась какая-то бодрость, легкость и даже весёлость, сам на себя удивлялся. Полежал ещё немного и вскочил – раз такое дело надо двигать в институт! Натянул подсохшие, но ещё мокроватые штаны, и побежал.

К проклятым рельсам и близко подходить не стал, птичкой залетел на мост, взглянул вниз – там проносились два состава, голова сразу закружилась. Психика у него выдала защитную реакцию: отвергала напрочь недавний ужас, словно всё было не с ним, а с кем-то другим, совсем незнакомым.

Возле института встретил Коляна, тот не здороваясь закричал:

– Ты почему Ляльку обидел?

Очень удивился:

– Как? Я не обижал.

Колян подошёл поближе, глядел насмешливо.

– Она к тебе зачем попёрлась к чёрту на рога? Дом, чё ли, ей твой нужен? В гробу его видела сто раз! Хотела трахнуть с тобой, придурком!

– Да ну тебя! – Сергей улыбнулся.

– Точняк, хотела! И воображала, как всё будет, а ты сачканул, задрых. Яйца тебе жала, нихера, бесполезно! Прикинь, ведь девка в самом соку, а ты мимо! – продолжал так же громко и проходившие мимо девицы захихикали.

Сергей покраснел, засмутился, хоть и знал – врёт безбожно, всё сочиняет – не могла Ляля ему такое говорить, попробовал отшутиться.

– Скажи ей, что в следующий раз спать не стану! – и поспешил переменить тему разговора: – Ты на лекции не пойдёшь?

Колян надул щёки, ответил со значением:

– Двинул в газету! Меня там ждут! – и сразу исчез.

Под впечатлением приятного разговора о Ляле заулыбался, поднялся на третий этаж, Встретил старосту Ирку, решил сделать ей комплимент.

– Ирочка! Ты сегодня такая красивая – слов нет! Как ясное солнышко!

Она засмутилась.

– Малинин! Не подлизывайся! Все равно твое опоздание отмечу!

Ничего ей не сказал, снова улыбнулся и прошёл в аудиторию, сел, как всегда, в самом конце. Лекцию не слушал и, тем более, не писал, грустно думал – что будет дальше. Знал, прогулов у него накопилось много, запросто могут снять со стипендии, а это беда: переводы от дяди, простого рабочего, были весьма небольшими. Хуже того, могут вообще отчислить...

Но, следует сказать, что так сильно волновался он напрасно, конечно, в деканате все считали его злостным прогульщиком, однако Ирка ему тайно симпатизировала и половину опозданий и прогулов не отмечала. К тому же парней на курсе было мало и отношение к ним

было особое. А главное – учился Серёга хорошо, экзамены сдавал почти все на «отлично» и какой же деканат захочет расстаться с таким студентом? Конечно, никакой.

4

На перемене пошёл в столовую, есть и не очень хотелось, по привычке, встал на раздачу, толстый Петька впереди что-то бормотал, пододвигал тарелки с разной жратвой, как всегда потащил полный поднос. И сказал ему в спину негромко и беззлобно:

– Ну, обжора! Лопнешь, когда-нибудь!

Только взялся за тарелку своего жиденького супчика, сзади грохот. Оглянулся – Петька выронил поднос, застонал, схватился за живот руками и упал-повалился прямо на свою еду. Что тут началось! Все девчонки – а их было полно – заохали, запричитали, обступили несчастного плотным кольцом. Тётенька за кассой произнесла спокойно, со знанием дела:

– Аппендицит! Внезапный приступ! Срочно «скорую» и на операцию! Иначе перитонит!

Двое мужчин-преподавателей уже вели несчастного к выходу, весь испачканный в жирном супе, котлетах и картофельном пюре, девчонки, продолжая охать, расселись по своим местам. Появилась уборщица с ведром и совком, ворчала, собирала несостоявшееся петькино обжорство с пола.

Сергей взял свой супец, одну котлетку с пюре, два чая, отдал деньги – бесплатно его кормила только другая, пожилая кассирша, – нашёл столик с полной тарелкой хлеба, сел, быстро опустошил тарелку с супом, проглотил котлетку с гарниром, выпил чай и смолотил половину хлеба, остальное, как всегда, завернул в салфетки и сунул в карман.

Сидел в скверике на скамейке, усмеялся – вспоминал, как глупо выглядел испачканный в супе Петька, почему-то было его совсем не жалко, даже наоборот, так обжоре и надо. И вдруг подумал – а не от его ли слов тот упал? Ведь пожелал ему лопнуть.

Ерунда, конечно, в чудеса не верил, но, тем не менее, ведь когда шли в кафе тоже сказал вслед шоферу-лихачу, чтобы пропал, машина тогда сразу остановилась, развернулась поперёк дороги.

Всё это случайные совпадения, чепуха на постном масле, но посидел ещё немного и вспомнил недавно прочитанные романы прекрасного писателя Кинга: в одном герой имел чудесную способность коснуться человека рукой и всё про него узнать, в другом девушка могла зажигать взглядом.

А вдруг и он... Это было бы классно! Увидел недалеко смятую бумажку, пристально уставился на неё, приказал: «гори!» Глядел долго, даже глаза заболели.

И ни фига!

Бумажка даже не задымилась!

Но надо проверить и другое, сейчас поймает Ирку, возьмёт за руку и узнает: отмечает ли она все его прогулы!

Это же так интересно!

Сорвался с места, нашёл её в коридоре, схватил за руку, она даже испугалась.

– Ты чё, Малинин? Бледный какой-то. Не заболел?

Держал руку крепко, не отпускал, и опять ни фига! Ничё от Ирки ему не передавалось. Она молчала, руку не отнимала, смотрела на него широко распахнутыми глазками.

– Извини, – произнёс тихо и опять ушёл в сквер, сидел и не мог успокоиться, с бумажкой ладно, и с Ирккой тоже – староста есть староста, фиг от неё что узнаешь, казенный человек. Но та машина... Вот это совершенно непонятно и надо срочно выяснить. Решил – и побежал на дорогу, на тот самый переход, возникла вдруг у него какая-то решительность в поступках, которой прежде не было.

5

Там машины, не обращая внимания на знаки перехода для людей, всё так же несутся и несутся одна за другой. Белые, чёрные, красные, зелёные... Огромное, железное стадо! Куда? Зачем? Непонятно. Сам Сергей был совершенно равнодушен к ним, не разбирался в марках и не мог отличить одну от другой.

Несчастные пешеходы испугано стояли на тротуаре возле дороги, потом собирались в кучку – семь-десять человек, – и отважно двигались вперёд. Машины тогда нехотя тормозили, пропускали их, и мчались дальше, ещё быстрее. Пожилой мужчина с палкой-костылём один решительно ступил на дорогу, глядел только себе под ноги, не оглядывался и всем своим видом говорил: только попробуйте наехать! Остановивались, пропускали его.

Стайка девчонок-соплюшек со смехом выскочила, понеслась с визгом напрямик – только длинные ноги мелькали, вроде бы игра. Шофера тоже решили поиграть – не сбавляя скорости, громко гудели и мчались прямо на них. Половина стайки завизжала ещё сильнее и выскочила на другой тротуар. Другая половина – тоже с пронзительным визгом, вернулась обратно. И все весело смеялись.

Сергей глядел на всё это без улыбки, смешного мало. Но вот увидел красный автомобиль... Увидел и вздрогнул – это не машина, а тот самый тепловоз-убийца! Откуда он здесь? Быть не может! Моргнул – конечно, Нет! Красная машина пронеслась совсем рядом, чуть не задела девчонку. За рулём ухмылялся-веселился мужик. Злоба сдавила горло, сказал хоть и не громко, но и не тихо:

– Ну, паразит, пропал бы ты...

И сразу!

Сразу красный хулиган остановился, его тоже развернуло поперёк дороги, зелёная машина чуть не протаранила, загудела возмущенно и умчалась дальше. Из красной выскочил шофер, замахал руками, что-то кричал, к нему бежали шоферы из других, остановившихся рядом машин.

Ноги у Сергея стали ватными – это он! Он! Хотел скорее уйти, пошатываясь сделал первые шаги, и что-то остановило. Оглянулся – бабушка в очках катила детскую коляску прямо на дорогу, куда её понесло? Идёт, не смотрит, а машины уже близко... Увидел с ужасом: огромная, белая и не думает тормозить!

Да и поздно, уже коляска совсем рядом... Не помня себя закричал громко, во весь голос:

– Стой! Чтоб ты сдох!

Мгновенно, без всякого визга тормозов, машина встала на дыбы и перевернулась на спину. Лежала, а колеса бешено вертелись, смотрел на неё, не верил глазам, прошептал:

– Торопился... За лишней копейкой погнался...

Бабушка взглянула не него, сказала спокойно, словно ничего не случилось:

– Молодец! Так этим гадам и надо! – и покатила коляску дальше. А Сергей побежал прочь, скорее, скорее отсюда! Всё это страшно!

6

Никаких важных дел у Коляна в редакции не было, просто любил приходить сюда, в газету, старался чаще встречаться с сотрудниками, быть на виду. Вот и сейчас быстро поднялся по лестнице на второй этаж – внизу, на первом, была типография, – шёл по неширокому коридору мимо одинаковых дверей. Двери-то были одинаковые, а таблички на них разные.

Мимо кабинетов редактора и заместителя прошёл быстро, неслышно, миновал и отдел сельского хозяйства, а в отдел промышленности решительно распахнул дверь.

– Добрый день! – поздоровался с порога, отдел бы нужным, частенько делал для него разные информации. В комнате был только один человек, литсотрудник, остальные столы пустые.

– Привет! – коротко ответил тот. – Иди, не мешай, срочно пишу в номер.

Не обиделся – в номер это святое! – закрыл дверь и направился в свой родной отдел информации. Вошёл, поздоровался, сразу уселся на большой, старый диван.

– Вовремя явился! – обрадовался заведующий, немолодой, уже с лысинкой, Иван Иванович. – Сел рано, вставай, есть задание.

– Всегда готов! – Колян живо вскочил с дивана. – Какое?

– На переходе возле твоего института сразу две аварии, наверняка пьяные водители – это сейчас очень важно подчеркнуть, понял?

– Так точно! Пьяниц надо к ногтю!

– Бери ноги в руки – и туда. Сто строк в номер! Только быстро!

Колян замер – сто строк! О таком только он и мечтал! Но, всё же, спросил:

– Материал большой, тогда и подпись моя будет полностью, Имя и Фамилия?

Иван Иванович усмехнулся.

– Ты сначала напиши, и всё будет.

– А гонорар? За срочность надо бы повышенный, – пошутил Колян, но без улыбки.

– Напишешь, и поглядим, – заведующий отделом чуть нахмурился, давно уже заметил за этим парнем погоню за копеечкой. – Не теряй время, двигай.

– Без проблем! Всё будет окейно! Но раз такая срочность, может, машинку дадите?

– А вертолёт? – спросил Иван Иванович и Колян пулей выскочил из кабинета. Машина, конечно, была ни к чему, на автобусе всего две остановки, хотелось просто с шиком подкатить – чтобы все видели, – на чёрном лимузине. Место аварии обнесено красной с жёлтым лентой, возле неё медленно ходил полицейский.

7

Колян вытащил из кармана своё главное сокровище – редакционное удостоверение – красную книжечку с крупными золотыми буквами «пресса». Все это видели, а внутрь никто не заглядывал, не читал, что там написано: «внештатный сотрудник редакции»

– Газета! – сказал громко и важно полицейскому. – Наши читатели хотят всё знать! – и решительно пробрался под лентой. И остановился замер – перед ним на крыше лежал шикарный, новейший «Порше», предел мечтаний. Скоростной внедорожник! Вот ему бы такой! Колян любил машины, знал о них много, и собирался при первой возможности купить, конечно, не такую дорогущую, что-нибудь попроще. А «Порше» у него обязательно будет, но потом.

Подошёл к офицеру автоинспекции, снова показал удостоверение, тот, спокойно-равнодушно, смотрел на него, так и знал, что газетчики обязательно появятся.

– Всё скажите коротко о двух авариях, мне нужно успеть написать в завтрашний номер! – снова повторил важно и вытащил блокнот с ручкой. Офицер автоинспекции был немногословен, газетчиков не любил, знал, что бы ни сказал, всё перевернут, ответил нехотя:

– Авария одна, ясно? Одна! Не перепутайте! Так и запишите, и одно дорожно-транспортное пришествие. Ничего особенного – водителю на минуту стало плохо за рулём, короткий обморок. Тормознул, задние машины его объехали, отдохнул, пришёл в себя, «скорую» вызывать не захотел. Наш сотрудник сел за руль и отвёз домой. – Офицер помолчал, глядел, как Колян торопливо пишет, я продолжал: – Второй случай серьёзный и для меня совершенно непонятный. Свидетели показали – «Порше» мчался прямо на детскую коляску...

– Не тормозил? – спросил Колян.

– Нет, сбил бы насмерть, но вдруг мгновенно перевернулся, вот так и лежит. Водитель живой, подушки безопасности сработали чётко...

– Пьяный! – уверенно произнёс Колян. – Пьяный за рулём – это потенциальный убийца! – и снова быстро начал писать. Офицер поморщился.

– Я его вынимал, вроде бы не пахло, врачи скажут, он в шоке, увезли в реанимацию.

– Тогда наркоман?

– Говорю, не знаю, рано делать выводы, и вы не торопитесь. Колян продолжал писать, ему было уже всё ясно. Он уже и заголовок клёвый придумал: «пьяный за рулём – потенциальный убийца» просто блеск! Ивану Ивановичу понравится, как раз сейчас об этом все говорят.

– Загадка, – продолжал полицейский. – Почему перевернулся? Если бы нет – было бы два трупа, женщина и ребёнок. Не дай Бог...

– До свиданья, тороплюсь, читайте завтра в газете! – Колян побежал к автобусу. В редакции быстро сел за машинку и настукал две страницы за пять минут. Иван Иванович прочитал, поморщился:

– Лишнего много, красоты разные, в информации они не нужны. Ладно, воду я отожму, а заголовок хороший, молодец! Броский! Такой материал никто не пропустит. – И повторил с удовольствием: – «Пьяный за рулём – потенциальный убийца», то, что сейчас надо.

Колян заулыбался, очень любил когда его хвалили.

– Спасибо, Иван Иванович, что бы я без вас делал! Вы ведь мой наставник и учитель! Вот гонорар получу и приду сюда с бутылкой, разопьём за ваше здоровье. Вы какой коньячок предпочитаете? Наверное, армянский, я тоже!

Заведующий отделом чуть улыбнулся, в этой газете, как и во многих других, в заветный день-праздник, день выплаты гонорара, в отдалённом кабинете собирались сотрудники распить бутылочку-другую, договорить-поплакаться про тяжёлую жизнь, про дурака-редактора и зверя ответственного секретаря, которые ничего не понимают в их творческом стиле.

Случается – довольно часто, – в этих симпозиумах принимает участие и сам ответсекр, а то и редактор для порядка заглянет, и на свои сто грамм. И только дежурный по газете облизуется, ему просто не наливают, должен читать весь завтрашний номер. Конечно, такие встречи проходят только вечерами, когда газетный конвейер заканчивается.

Так вот, Иван Иванович улыбнулся и ответил с легкой насмешкой:

– Ты насчет коньяка не пижонь, у нас это не проходит. Принеси водки, лучше её ничего нет, не больше двух бутылок, а закусь за мной. А теперь гуляй прямо, не мешай мне твой шедевр резать.

– Будь сделано! – крикнул Колян радостно и выскочил из кабинета.

8

Шефер писал потом в своём объяснении:

Трезвый я был, ей-Богу, врачи же подтвердили, ни грамма не пил, просто вдруг заболел, сознание потерял, с каждым может случиться. Ничего не помню и не понимаю – еду по городу, по пешеходному переходу, и вдруг в глазах потемнело, ничё не вижу, ногу свело, тормознуть не могу. Очнулся – что за чудеса! Болтаюсь кверху ногами, головой вниз, это мешки безопасности меня сжали. Догадался – машина перевернулась, лежит на крыше, чуть не сбил кого-то. Но как она и почему кувыркнулась, не знаю и представить себе не могу. А если сбил бы пешехода, то всё, конец мне.

Народу возле машины полно, все кричат-ругаются, спорят, не могут понять, я не шевелюсь, жду гаишников. Приехали быстро, вытащили меня, упал ка землю, глаза закрыл, но увидел – точно, лежит моя тачка кверху колёсами. «Скорая» появилась, отвезли меня в больницу, все анализы сделали – чистый я в плане алкоголя, это главное.

Врачи мне много чего наговорили: стресс, переутомление, жара тоже, за рулём я шесть часов без перерыва, а кондейшн в кабине сдох, надо было всё время выходить и отдыхать, свежим воздухом дышать. Головой кивал, соглашался со всем, теперь стану знать, заболел просто, со всяким может случиться...

/Врал, конечно, шофер, выкручивался, на самом деле всё было не так. Не дремал он и не отключался, а гнал машину со страшной скоростью, ни на какие знаки не глядел. Так ехать

было нельзя даже просто до городу, тем более по пешеходному переходу. Об этом не думал – ведь спешил заключить очень выгодную сделку, опоздает, она уплывёт к конкурентам, потеряет большие бабки. Поэтому скорее, скорее! Это главное! А людишки пусть дома сидят, а не путаются под колёсами.../.

9

Сергей сидел в сквере, как всегда на дальней скамейке, чувствовал себя ужасно, голова кружилась, всё плыло вокруг. В глазах перевёрнутая белая машина, коляска с ребенком, старушка... Что с ними? Успел ли спасти?

Возник из ниоткуда Колян, закричал издали громко:

– Можешь меня поздравить – завтра в газете выйдет мой материал! Большой! На пол-страницы! С полной подписью – Николай Хохлов!

Сергей молча кивнул, ни слушать его, ни разговаривать не хотелось.

– Мне повезло, там, на переходе, только что было две аварии, две сразу! Одна небольшая, пьяный уснул за рулём, Вторая – блеск!

– погоди, – Сергей поднял голову, прислушался, какие-то машины гудели и гудели совсем рядом... – Слышишь? Гудки...

– Какие гудки? – удивился Колян. – Откуда взял, приснилось, чё ли? – и продолжал: – Тачка была люкс-премиум! Мечта! Новый «Порше», внедорожник, как танк! Таковую куплю себе когда-нибудь!

– Да подожди ты, – снова перебил Сергей, машины продолжали сигналить всё громче, словно ехали по соседней аллее и сейчас выскочат из-за кустов... – Гудят же!

Колян заулыбался, ну, Серёга, даёт!

– В заднице у тебя загудело! Всё тихо! Жаль, что в аварии никто не погиб!

– Почему жаль? О чём ты?

– Ну, бляха-муха! Как не понять – статья тогда была бы острее, интереснее, на летучке бы отметили и гонорар повысили!

Гудки, вроде бы, стихли, значит машины уехали и спросил о главном:

– Никто там не погиб? – и увидел чётко: на коляску с ребёнком несётся огромная белая машина... Удар и всё кончено: разломанная коляска лежит на асфальте и кровь..., кровь течёт из неё тоненьким красным ручейком...

– Пьяных бог бережёт! – Колян не обращал на него никакого внимания, торопился рассказать: – Бабка и коляска с пискуном прутся через дорогу, тачка не тормозит, несётся на них! А в двух метрах «Порше» встал на капот и перевернулся! Лежит на спинке, отдыхает-загорают, колеса вертятся!

– Все живы..., – язык у Сергея едва шевелился.

– Подушки безопасности там клёвые, спасли мужика. Повисел ногами вверх немного, и всё. Коляску не сбил, бабка и пискун живы-здоровы, повезло мудаку. Может, отделается только лишением прав. Хотя я бы таких сажал сразу – тачку заимел, а рулить не можешь. – Колян помолчал и спросил тоже весело:

– Ты чё? Какой-то зелёный?

– Голова болит...

– Твои проблемы! Беги в аптеку, покупай таблетки! И всё будет окейно! А я к тебе Ляльку направлю – трахнешь её и запрыгаешь, как огурчик, маринованный в рассоле!

Чуть улыбнулся – от сердца отлегло, там все живы, сказал уже спокойно:

– Почему огурчик? Да ещё и маринованный?

– По-кочану! – продолжал Колян. – Ты бабки приготовил для Комара?

– Пока нет...

– Готовь! Зачёт пора сдавать! Этот жучара клёво устроился – какое бабло с нас гребёт! Как у него морда не треснет, реально он с детства на бабки заточен!

– А ты не давай! – заметил Сергей.

– И не дам! – Колян взмахнул рукой. – Перетопчется! Одной бутылкой коньяка меньше выжрет!

Этот разговор у них был неслучайным – преподаватель старославянского языка Комаров чётко намекнул старосте, что зачёт поставит только тем, кто принесёт тысячу рублей. Предмет этот был чрезвычайно трудным и все студенты охотно отдавали – лишь бы избавиться от него, жить спокойно, не мучаться с огромными учебниками и не зубрить юсы-мусы, которые никогда в жизни не понадобятся.

Но Сергей считал иначе.

– Это неправильно, несправедливо! Так не должно быть!

– Ты охерел! – крикнул Колян. – Опять какую-то справедливость потерял. Нет её, и не ищи! Без бабок зачет он тебе не вывалит!

– Но можно ведь и в деканат сходить...

– Придурок ты, и уши холодные! В деканат! Да препод этот им половину отстёгивает!

– Ну, это ты хватил, – возразил Сергей, правда не очень решительно. – По-твоему, всё жулики?

– Точняк, все! – Колян увидел идущую к ним Ирку, заулыбался. – Вон староста к тебе плывет, целуйся с ней.

10

И верно, к ним шла-торопилась староста Ирка с тетрадкой в руке, Колян сразу исчез, села не его место, открыла тетрадку, взяла ручку.

– Давай бабки Комару за зачёт.

Сергей чуть улыбнулся.

– Вот какой неприятный случай – нету их у меня. Понимаешь, нету и всё. – Денег у него, действительно, не было – собрал немного на зимние ботинки, всё равно ведь холода наступят, не в тапочках же ходить по снегу.

Ирка закрыла тетрадку, спрятала ручку.

– Он тебе зачёт не поставит, не надейся.

– Поглядим, – Сергей нахмурился. – Я толстый учебник прочёл, мало-мало тумкаю в этом деле.

Ирка завздыхала-завздыхала и вдруг негромко сказала:

– Могу тебе одолжить...

Заулыбался, так и знал, хорошая девчонка! И весело ответил:

– Нифига не надо! Мой дядя правильно изрекает по такому случаю: берешь чужие и на время, а отдаёшь свои и навсегда!

Староста тоже заулыбалась – Серёга молодец!

– Ныряй в холодную воду, поглядим, как плаваешь! – и отвалила, а он двинулся к Комарову, вроде бы решительно, хотя руки малость тряслись. Постучался, вошел, тот удивлённо глянул.

– Малинин, тебе чего?

Сергей ответил вежливо, негромко:

– Здравствуйте, Семён Михайлович. Зачёт пришел сдавать.

Преподаватель молча смотрел на него, пожевал губами – толстыми и красными, – тяжело вздохнул.

– Ты со старостой общался?

– Зачем? Зачет вам сдавать, а не ей.

– Так, значит, – Комаров открыл большой блокнот. – На лекциях моих не бываешь, на семинарах не выступаешь, нехорошо – и вдруг добавил грубо и неожиданно: – Какой тебе, на хрен, зачёт?

– Разрешите мне, всё-таки, отвечать, – набрался смелости Сергей, хотя больше всего ему хотелось уйти.

Комаров закрыл блокнот, хлопнул его на стол.

– К зачёту не допускаю, на лекции надо было ходить.

Сергей попытался возразить.

– Я по учебникам готовился...

– Мои студенты готовятся по моим лекциям, ясно? Ступай, и подумай над своим поведением.

Пристально глядел на препода, такого наглого, уверенного в своей безнаказанности, и злость залила чёрной волной, как та болотная жижа... Вот-вот из блокнота, из портфеля Комара, выползут гадюки... Хотелось закричать, но сдержался, только негромко выдохнул:

– Взятчик...

– Что? Что ты сказал?! – Комаров встал, с шумом отодвинул стул. – Пошёл вон!

Не открывая дверь, глядел пристально на него, произнёс совсем тихо:

– Гад, ты, кровосос... Подох бы.., – и вышел.

Ирка стояла в коридоре, ждала, сразу спросила:

– Ну, как?

Взглянул на неё хмуро, улыбнулся через силу.

– Пустой номер.., – и тоже спросил: – А Колян где? Пойдёт к Комару? Ведь тоже решил деньги не платить...

От удивления староста чуть не выронила свою тетрадку.

– Да ты что! Он первым бабки отдал!

Ничего ей не сказал, ничуть не удивился, прошёл мимо, спустился по лестнице и отправился в сквер, сел на свою любимую дальнюю скамейку, закрыл глаза. Не хотелось видеть никого.., но всё равно – всё равно! – мчались по дороге машины, одна за другой, большая белая сбила коляску с ребёнком, и кровь, кровь на асфальте... Застонал тихо, снова и снова...

11

Рядом возник Колян – неожиданно, словно из-под земли, начал громко, почти криком:

– Чуть не накрылись мои бабки медным тазом! Ё-моё! Ты лох, а просёк! Их не отдал, а я, дурак, вывалил! А Комар заболел! Хорошо, что Ирка бабло ему не успела выдать!

Взглянул на него спокойно – ждал этого, спросил без капли жалости:

– Что с ним?

– Давление подскочило, домой увезли, может, будет ему кирдык! Так и надо! В деканате сказали, срочно зачёты новому преподу сдавать. Ирка уже пошла к нему, подкатится, узнает, станет брать бабки или нет. Если не будет, то кирдык нам всем, никто зачёт не сдаст, – плюхнулся рядом на скамейку, вытянул длинные ноги, Сергей невольно заметил, какие у него новые, дорогие кроссовки...

– Может, и не будет брать.

– Возьмёт! – опять закричал Колян. – Все жульё! Каждый только и думает, что где-нибудь хапнуть! Это у человека в генах заложено! Вот! – он вытащил из кармана копеечную ручку. – Увидел её в редакции и сразу в карман. Нужна она мне? Нихера! Зачем взял – сам не знаю!

Сергей качнул головой, чуть поморщился – глупость какая!

– При чём тут гены? Надо просто жадность свою контролировать.

Колян вскочил со скамейки, помахал ручкой и сунул её в карман.

– Ишь ты, какой! Нет, братан, против природы не попрёшь! Все на чужое пасть открыли! Вот прикинь, что делается. Сегодня в суде дело слушается – блеск! Нарочно не придумаешь!

– Давай расскажи, – заинтересовался сразу.

– Просто цирк! Слушай в оба уха! Бабушка-старушка, божий одуванчик, сто лет в обед, решила свой домишко загнать. Маленький, сопливый, но, всё-таки, вещь. Нашла покупателя, мужичка-пенсионера, сговорились о цене. Он ей бабки приволок, собрались к нотариусу, оформлять покупочку, – тут Колян вдруг начал изображать всё в лицах, голос изменил, даже согнулся по-бабкиному: – Слышь, милок, чё нам деньги по городу таскать, клади их сюда и пошли бумаги писать..., – это ему так старуха сказала.

– Отдал? – спросил Сергей, хотя уже обо всём догадался.

– Ха-ха! – Колян распрямился. – Отвалил придурок! Мигом бабло спрятала и двинулись к нотариусу. Тот все бумаги сочинил и говорит:

– Покупатель, в моём присутствии передайте продавцу деньги!

– А бабка! – Колян от восторга даже подпрыгнул. – Она сумку свою открыла и ему гуторит:

– Милай! Клади их сюды! – у мужика глаза на лоб: – Я же тебе их отдал! – Бабка в крик: – «Ничё не отдавал! Не ври! Не нужен тебе мой дом, до свиданья!» – И целиться сбечь!

Колян так веселился, что Сергей только смотрел и удивлялся, не понимал, чему радуется, а он продолжал:

– Ясно-понятно, нотариус их выпер из конторы, сами разбирайтесь. Мужичок адвоката нанял, тот аванс первым делом с него вырвал и написал «телегу» в суд. Получат от мёртвого осла уши! Так и надо лохов учить! Нынче рот не разевай – скажу ещё раз: кругом жульё!

Сергей молчал, понимал, что он драв, но, всё-таки, возразил:

– Не верю, что все такие...

– Все! – перебил Колян. – У каждого в глазах рупь солнце заслонило, за бабло на всё готовы. Ребята в редакции рассказывали: в том же суде слушается дело о торговце наркотой, эта сволочь подросткам её впаривала. Поймали гада, а его сейчас реально суд может оправдать.

– Почему?

– По-кочану! Свидетели от своих первых показаний отпёрлись. Наркомафия их купила и запугала. Ошиблись, мол, нас в полиции заставили написать.

Тут Сергей разозлился – этот весельчак над чужой бедой надоел.

– Ты в газете напечатай статью об этом, о бабке-мошеннице и лжесвидетелях-трусах, будет справедливо, суд решит всё по-другому...

Колян громко постучал рукой по скамейке.

– Вот ты кто такой, понял? Нахер – мне это надо? Спустись с неба на землю, бабка та реально на меня сразу в суд подаст за клевету и взыщет мешок бабла! А наркомафия – вообще задавит, это дело для них нехитрое. Лучше понемногу безобидные заметочки строгать и ничего не опасаться. – Он встал, оглянувшись на лестницу подъезда. – Ладно, сиди, потребляй озон, а я к Ирке, до чего она с новым преподам договорилась. А ты не забудь, завтра к вечеру Ляльку к тебе пригоню, понял? Точи своё шило поострее! Ха-ха! – засмеялся и быстро ушёл.

Сергей проводил его взглядом и вдруг понял: ему нужно – совершенно необходимо! – побывать в суде, поглядеть на этих людей-уродов.

12

Торопливо шёл по улице, день был тихий, солнечный, просто прекрасный. Смотрел на встречных – улыбаются, разговаривают, вот девчушка-соплюшка – ранец за спиной огромный, – смеется громко во весь рот, что-то кричит в мобильник. Неужели все они жулики, как утверждает Колян?

Не может такого быть! Какой же жулик бабка Ага? Всю жизнь лечит людей, нет, конечно, хоть и дружит с гадюками. А девчата с его курса? Толком их не знает, но, всё равно, нет. А Ляля и Аля, любители котлеток и конфеток? Да и сам Колян, хвостун, болтун, но не ворюга же...

Раньше в судах Сергею бывать не довелось и он медленно шёл по длинному, неширокому коридору, внимательно, с интересом, читал таблички на дверях: судья такой-то, зал судебных заседаний номер... Двери по обе стороны коридора, окон нет, и немного мрачновато. На скамейках сидели люди, не обращали на него внимания, о чём-то тихо разговаривали, или молчали, думали о своём.

Из-за одной двери доносились голоса, собрался осторожно войти, но не успел – в коридор вышло человек десять, все громко разговаривали, спорили, даже махали руками. Прижался к стене, слушал и понял: то, что надо, попал куда хотел.

Немолодой мужчина в сером, крепко поношенном костюме – догадался, это и есть обманутый истец Архипов, подступал к пожилой толсто-рыхлой женщине в коротком не по возрасту платье, это была ответчица по делу Бочкина, говорил ей зло:

– Обманула меня, подлая! Ни стыда, ни совести нету! Всё равно, на пересуд подам, отберу свои деньги!

Бочкина рассмеялась ему в лицо.

– Шиш тебе! Ничё не выйдет, хоть уссось! Никаких денег мне не давал! – и быстро пошла, побежала по коридору, Архипов только рот открывал, словно рыба-карась на берегу, слова не мог произнести.

Сергей смотрел на него с жалостью, потом повернулся, хотел было взглянуть Бочкиной в глаза, да куда там! Воровка, настоящая преступница, уже исчезла. Оставалось только надеяться, что дело будет пересмотрено в пользу Архипова. И отправился дальше, искать, где идёт суд над наркоторговцем.

Искать долго не пришлось – нужным зал судебных заседаний оказался рядом. Кто-то как раз выходил, проскользнул в приоткрытую дверь.

13

Народу полно, за решёткой впереди подсудимый. Немолодой, лысоватый, вид солидный, похож немного на одного преподавателя института, никак не подумаешь, что преступник – торговец наркотиками. Сидит спокойно, даже чуть улыбается, словно на каком-то скучном собрании. А суд идёт своим чередом – выступает прокурор, ему возражает адвокат, что-то говорят свидетели. Слышно плохо, половину слов разобрать не может, но сосед оказался здешним завсегдатаем – такие ходят в суды как в театры, – и всё комментировал-объяснял тихим шёпотом.

– Видал, гад какой! Отпирается от всего, я не я ж лошадь не моя! Вроде бы никакую наркоту подцанам не продавал, хочет выкрутиться. И свободно может получиться!

– Как так? – удивился Сергей. – Как выкрутится?

Сосед даже подскочил на стуле, так ему понравился внимательный слушатель, такое тут бывает нечасто.

– Как дважды два четыре! Дружки его одних свидетелей купили, других запугали, они от своих прежних показаний отказываются. Валят всё на полицию – заставили их написать. А нет свидетелей и дела нету...

Ещё что-то говорил сосед, Сергей не слушал, горло всё сильнее и сильнее давило, дышать становилось трудно. Ему не приходилось встречаться с детьми-наркоманами – к счастью! – но там, дома, до приезда сюда, видел по ящику о них страшную передачу. Несколько полураздетых подростков – парни без брюк, девочки без платьев, лежали на полу как мёртвые, возле них шприцы...

Санитары «скорой» и полицейские выносили их, одну девочку под простынкой на носилках, наверное, была совсем голая, торчала только голова с закрытыми глазами. Особенно запомнились её светлые волосы, тоненькие косички... Потом говорили, что трёх человек так и не спасли.

– Если выкрутится, будет несправедливо, – сказал Сергей. Сосед удивлённо глянул на него.

– Ты чё? Какая справедливость? Откуда взял? Нету её! Мафия есть мафия, вот гад и лыбится! Бабки решают всё!

«Нет, не всё», подумал и дышать стало ещё труднее.

– Нанимают адвоката-говоруна, он белое выдает за чёрное и наоборот! – продолжал сосед. – А их стрелять надо, а не разговоры разговаривать!

– Надо! – сразу согласился Сергей, а слова вдруг пропали, почти ничего не слышал, не различал, не воспринимал их, думал только: «сейчас, сейчас я тебе покажу, есть справедливость или нет», вспомнил, тогда на болоте кричал на гадюк – сдохните!

И потёр рукой шею, слух немного вернулся.

– Гляди, гад веселится-смеется, – услышал соседа. – Знает, что его могут скоро и оправдать, тогда станет снова возле школ наркотой торговать. У подростков бабок нету, они ему из дома тащат разное: колечки, серёжки, мобильники, что-то из одежды подороже.

– Неужели у родителей воруют?

– Они же типа уроды! Больные, зависимые от отравы, их лечить надо, но хрен вылечишь...

Судья объявил перерыв и вышел, зал сразу взорвался – ведь тут сидели родители подростков. Не обращая внимания на судебных приставов все кричали, многие пытались подбежать к клетке, подсудимый сидел неподвижно, глядел с усмешкой.

Сосед сразу тоже вскочил.

– Повесить надо гада! Повесить!

Момент был самый подходящий – никто ничего не заметит, и Сергей ждать не стал, завопил во всё горло:

– Сволочь! Чтоб ты сдох!

Так громко, что сосед даже удивился.

– Ну, ты, друг, даёшь!

Не слушал его, смотрел и смотрел на гада в клетке, вот повалится сейчас на пол... Но нет, только откинулся на спинку стула, видно что-то сказал, адвокат сразу подбежал.

Сосед хорошо знал судебные тонкости, произнёс с усмешкой:

– Гляди, изобразил что ему плохо, утомился, бедный. Суд у нас самый гуманный в мире, к нему пять врачей подкатят, а заседание это на завтра отложат...

Душно, жарко, Сергей не стал ждать, что будет дальше, скорее вышел, сел в коридоре на скамейку, закрыл глаза, думал: «Почему не вышло, не получилось? Не смог придавить того гада...» Но вот дверь открылась, суд окончился – сосед угадал точно: по просьбе адвоката заседание перенесли на завтра.

14

Медленно шёл по улице, узкий тротуар, асфальт старый, потрескался, весь в ямах, мимо унылых одноэтажных домишек, одинаковых в своём убожестве. Уже понимал, вернее догадывался – есть у него какая-то загадочная сила: может словом действовать на людей.

Так было с толстым Петькой – упал тогда с подносом, никакого аппендицита у него не оказалось, на другой день всё так же пасся в столовой, таскал полные подносы жратвы. И с шофером страшной белой машины, остался живой-здоровый, а права на вождение снова

купит. И с преподавом-взяточником Комаром, попьёт таблетки и опять явится, будет бабки собирать.

Откуда она взялась, эта сила? Вспомнил книгу Кинга – там герой получил такую после автомобильной аварии. А у него? Разве мало? Сотня змей – не меньше! – искусали, чуть не погиб в смертельной ловушке между поездами, стресс был ещё тот! А главное – волшебный солнечный холм, лежал на нем, не мог налегаться, после каждого жаркого сеанса силы заметно прибавлялись.

И вот теперь всё кончилось – наркоторговец даже со стула не шлёпнулся, а жаль – по всему видно сволочь ещё та. Нет его силы, и это хорошо, вовсе не хочет быть в одном лице прокурором, судьёй и палачом, хочет жить как прежде – мирно и спокойно.

...Шёл и вдруг увидел на лавочке возле забора Бочкину! Она сидела, грелась на солнышке, закрыв глаза, как перекормленная старая кошка, которая давно мышей ловить не может. Была очень довольна, все вышло, как и хотела: этого дурака Архипова обвела вокруг пальца, денежки припрятала, а дом свой продаст ещё раз и станет жить не тужить. Архипов сам виноват во всём – нехрен было бабки раньше времени отдавать.

Почувствовала на себе чей-то взгляд, открыла глаза – стоит парень-сопляк и смотрит на неё. Подобралась, руки сняла с колен, спросила громко:

– Чё встал? Чё те надо? Вали отсель!

Сергей молчал, глядел на неё, сказал тихо:

– Жадная ты какая... Почему? Погубит тебя эта жадность. Обокрала старика...

Бочкина вскочила, завопила на всю улицу:

– А ты видел? Ничё ты не видел! Бабки он мне не отдал!

Нету свидетелей, нету!

Кричала что-то и ещё, Сергей не понимал, слух отключился, только звенело в ушах, глупая, жадная баба... Потом всё же повторил:

– Жадность тебя погубит... Подумай сама – зачем тебе деньги? Белые тапочки стоят дешёво...

Сказал и ушёл, Бочкина только рот открыла, не могла произнести ни слова, потом тяжело опустилась на лавочку, всё слышала того парня: «Жадность тебя погубит...» А Сергей пришёл домой усталый, едва живой, скорее опустился на лавочку, достал свой волшебный колокольчик.

– Динь, динь, динь..., – позвонил, но котюга не появился,

был далеко в лесу, не слышал, а, может и слышал, но некогда – как раз заловил мыша.

– Динь! Динь! Динь! – позвонил погромче, но, всё равно, кот не прибежал. Почувствовал сильную слабость, голова всё кружилась, понял – надо заряжаться солнцем, оно ещё высоко. Зашёл в домик, взял одеялко, подушку и лёг на холмик, закрыл глаза и слушал, как шумят деревья листвой на ветру, как над ним гудят и гудят провода, то тише, то громче. И скоро уснул.

15

Солнечный мир! Мир света и тепла! Всё вокруг залито солнцем, его лучи пробиваются сквозь зелень листиков берёзок и темноту веток сосен и елей. По нежной травке медленно ждёт маленький мальчик в нарядной курточке с большими светлыми пуговицами, идёт и внимательно глядит под ноги. Вот нагнулся и закричал:

– Нашёл! Нашёл! – сорвал и поднял-показал большую красную ягоду-земляничку, скорее её в рот. Вкусно-вкусно! Пошёл дальше, искал и находил такие-же вкусные ягоды, много – одну за другой.

Тропинка привела его в цирк! Огромная арена, яркий свет, звучит весёлая громкая музыка. На арене настоящая железная дорога! Маленький паровозик едет медленно, машинист

мохнатый енот в красной фуражке. За ним в вагончиках едут собачки, кошки, обезьянки, мяукают, лают, разговаривают. Все радостно смеются, мальчик в курточке тоже смеется.

Поезд идёт и идёт, всё ближе к маленькому домику с вывеской «вокзал», а там, возле большого колокола, стоит тоже в красной фуражке начальник станции – медвежонок, и готовится начать звонить, сообщить о прибытии весёлого поезда.

Но что это случилось?

Вдруг поезд остановился, вместо весёлой музыки громко и тревожно забили барабаны:

– Бах! Бах! Бах!

Мальчик замер, вскочил с кресла, а барабаны всё бьют и бьют:

– Бах! Бах! Бах!

Всё громче и громче!

И вот на паровозе вместо енота-машиниста оказалась змея-гадюка! Поднялась на хвосте, открыла рот, а там страшное ядовитое жало!

В вагончиках тоже вместо кошек, собачек и обезьянок змеи! Тоже стояли на хвостах и открывали рты! Тоже высывали жало!

Ещё минута – и они все выпрыгнут из вагончиков! Всех искусают насмерть!

– Убирайтесь отсюда! Убирайтесь! – отчаянно-громко закричал мальчик. Но куда там – гадюки ползут и ползут, всё ближе и ближе...

– Вот я вас! – вытянул руку, сжал-сложил пальцы, так играл с ребятами в школе – щёлкали друг друга по лбу, – первая змея ползёт и ползёт.

Дождлся – она совсем рядом.

– Конец тебе! – щёлкнул изо всех сил, и у неё отлетела голова!

– Конец вам! – щёлкал и щёлкал по гадюкам, и они, безголовые, падали на пол, вертелись там и исчезали...

Четверг

1

...Сергей очнулся, сел и оглянулся, не мог понять, где он? Волшебным образом перенёсся в своё детство? Или всё это только приснилось, пригрезилось?

– Мур-р-р! – сказал кто-то рядом. – Здоров ты дрыхнуть! Я уже в лес сбегал и трех мышей заловил!

Конечно, это был мистер Рэд, он же утром Барсик.

– Лодырь! – продолжал котюга. – Всё проспидишь! Солнце уже давно встало!

Недовольно поглядел на него, сказал сердито.

– Почему меня не разбудил? Мог бы догадаться, мне надо с утра в суд, придавить одного гада, – Сергей знал, ведь опять опоздает, проспал тут на холмике весь вчерашний вечер, всю ночь и утро.

Барсик смотрел насмешливо, муркнул негромко:

– Сам виноват, и злиться нечего. Какой-то ты сегодня не такой, как всегда..., – кот вдруг фыркнул: – Может, тебе мышку на завтрак принести? Большую и жирную!

– Иди, гуляй! – оборвал его тоже сердито. – Много стал разговаривать!

– Дурачок ты! – Барсик фыркнул снова и побежал к дырке в заборе, прямой и короткой дороге в лес.

Поглядел ему вслед и понял: котюга прав, зря на него обижался, сам виноват, что проспал. Чувствовал себя сегодня совершенно необычно, если и не злым, то точно возбуждённым. Сердце билось сильно и быстро, если бы померил давление, то узнал – очень высокое. Но никакое давление он себе никогда не мерил и вообще о нём имел самое смутное представление.

Быстро собрался и почти побежал по дорожке к мосту, о рельсах и не вспомнил, скорее в суд! Не обращал внимания ни на голубое небо, ни на яркую зелень травы и кустов.

Но вот на одном из домов увидел небольшую вывеску «Аптека», остановился – надо купить валерьянки, сердце продолжало стучать как пулемёт. Вошёл – аптечка маленькая, переделанная из обычной однокомнатной квартиры в хрущёвке, несколько стеклянных витрин с лекарствами и косметикой, за прилавком продавец – солидный дядя, пахать бы на нём.

Покупатель один – бедно одетая старушка с большой сумкой. Аптекарь недовольно поглядел на копеечного клиента, спросил грубо и громко:

– Ну, бабка, решила, чё те надо?

Та ответила тихо:

– Валерьянки один пузырёк.

Сергей встал за ней, подумал: тоже волнуется...

– Десять пятьдесят! – сказал продавец всё так же громко.

«Глухой её считает, что ли?» подумал Сергей, глядел как она торопливо вытаскивает из сумки потрёпанный кошелек, из него вынимает сторублёвую бумажку, подаёт.

– Полтинник гони мелочью! – здоровяк ловко скинул деньги в ящик под столом, повторил:

– Мелочь! Пятьдесят копеек мелочью!

Старушка снова суетливо стала доставать из кошелька монетки, выложила их на прилавок. Продавец, не считая, кинул их тоже в ящик, поставил пузырёк валерьянки, она убрала его в сумку, застегнула, и стояла, ждала сдачу.

Но тот не обращал на неё больше внимания, поглядел на Сергея недовольно – сразу определил: покупатель копеечный.

– Тебе чего? Тоже валерьянку? – и ухмыльнулся широко, во весь рот, блеснули большие белые зубы.

– А сдачу? – еле слышно спросила старушка. – Я же дала вам сто рублей...

Продавец так и взвился.

– Какую тебе сдачу? Какие сто рублей? Дала десятку, потом полтинник мелочью. Уходи! Много вас желающих задарма попользоваться!

Стояла, удивлённо смотрела на него, не понимая, что происходит. А он продолжал громко и нахально, Сергей понял специально громко, и специально нахально:

– Иди отсюда! А то полицию вызову!

От такой наглости у него потемнело в глазах, ждал – старушка возмутится, будет кричать, готов был её поддержать, ведь всё видел чётко. Но нет, та молча робко пошла к выходу – не захотела связываться, ругаться с подлецом.

Сергей глубоко вздохнул, пытаясь унять стучащее сердце, посмотрел жулику-продавцу в глаза.

– Обокрал пенсионерку... Зачем? Из-за этих рублей проклятых? – говорил тихо, а тот закричал:

– Иди отсюда! Она тебе что? Мать-бабушка? Да у неё бабок больше, чем у тебя! Какое твоё собачье дело!

– Вор ты! Подлец и вор! – сказал ему уже громче.

Продавец откинул дверку, выскочил из-за прилавка, схватил за курточку. Сергей вдруг увидел – у него змеиная голова! И закричал прямо в нависшее над ним лицо:

– Чтоб ты сдох, сволочь! – стряхнул сразу руки с курточки и вышел, оглядываться не стал.

По узенькому тротуару шёл быстро, встречные уступали дорогу, принимали за пьяного. Снова звенело в ушах и, вдруг, заболел затылок. Думал: «Неужели убил его?» И сам себе говорил: – «Правильно сделал!»

2

В темноватом коридоре суда остановился – что за чудеса! Не поверил своим глазам – перед ним шли вчерашние враги: Бочкина и обманутый ею Архипов. Причём не просто шли, а он держал Бочкину под руку. Что за чудеса! Увидел девушку в строгой одежде – белая блузка, чёрная юбочка, – ясно, из судейских помощников, сразу спросил:

– А те двое – вон идут, Архипов и Бочкина, как влюбленные, помирились, что ли?

Ответила охотно, с улыбкой:

– Редкий случай в нашей практике. Точно – помирились. У неё вчера после суда сердечный приступ, едва откачали, утром взяла те деньги, и вместе с Архиповым явились к судье. Выложила их на стол – отдаю на ваших глазах. Тот, понятно, обрадовался, пригласил ещё несколько человек и меня в том числе. Всё чин чинарём – Архипов бабки пересчитал, выдал ей расписку, теперь у них мир да любовь. Как бы не поженились, ведь холостые! – засмеялась и побежала дальше, застучала тонкими высокими каблучками.

На душе малость полегчало, вроде полезное дело сделал. Открыл дверь зала заседаний, вчерашний разговорчивый сосед махнул рукой на стул рядом. И сразу сообщил:

– Крутится гад! Вместе с адвокатами! Как караси на сковородке! Свидетели продолжают отпираться!

Сергей пристально смотрел на сидящего в клетке урода – сколько на его счету погубленных жизней? Из-за жадности, из-за бабла проклятого... Кто знает? Кто считал, а надо бы. Улыбается спокойно, лицо масляное, лоснится даже, отвечает на вопросы уверенно-заучено, понял, что выкрутится.

Снова сдавило горло, стал задыхаться, всё вокруг покачнулось, поплыло перед глазами, и сам зал, и люди в нём. Скорее зажмурился, но всё равно, видел: клетка вдруг зашевелилась, её железные прутья стали мягкими, словно верёвочными... Нет, как из длинных змей-гадюк...

Вот сейчас, сейчас они упадут на пол и расползутся, исчезнут, и гад будет свободен... Вот он уже встал, схватился руками за змей, и сам стал гадюкой...

Ну уж нет! Этому не быть! Гаду-убийце детей не жить! Сергей открыл глаза – наваждение исчезло, всё по-старому: клетка на месте, подсудимый сидит в ней, как сидел. Наклонился к соседу, спросил тихо:

– Перерыв... Когда перерыв? – знал, что тогда будет шум.

– Зачем тебе перерыв? – удивился тот. – Скоро этой комедии конец, знаю, не первый раз вижу такое, гада освободят прямо тут, в зале суда.

– Как... Как освободят?!

Сосед оглянулся, сказал негромко:

– Тише ты, а то попрут нас из зала... Всё очень просто, вина не доказана! Выпустят из клетки, иди, гуляй, торгуй наркотой дальше.

Сергей сжал зубы до боли, закрыл глаза и увидел страшное: носилки с мёртвой девочкой, закрыта простынкой с головой, только болтается тоненькая светлая косичка...

Не помня себя вскочил, закричал что-то, сосед дёрнул за руку.

– Ты чё? Садись живо...

Но крик послужил сигналом – многие в зале тоже вскочили и закричали, кое-кто кинулся к клетке. Он тоже подбежал, стоял и смотрел, убийца детей прижался к стене, голова змеиная, глазки маленькие, чёрные, смотрят не моргая... Отвернулся, ушёл на место, теперь точно знал – что надо делать.

Зал продолжал шуметь, сосед вскочил и завопил во всё горло:

– Стрелять таких гадов надо! Всех стрелять!

Сергей вставать и кричать не стал, чувствовал, как его переполняет злоба, чувствовал свою силу, поглядел снова на клетку, на урода в ней, сказал тихо:

– Сдохни, сволочь, – И вытянул руку, щёлкнул пальцами, увидел, как убийца там сразу повалился на пол. Улыбнулся и быстро вышел.

3

Из рассказа Н., судебного завсегда.

– Я в суд часто хожу, много интересного, никакого кино не надо, но парня этого ни разу там не встречал, молодёжь вообще появляется здесь редко. Первый раз увидел на том самом деле торговце наркотиками – вошёл, осторожно сел рядом, бледный какой-то, вид нездоровый, глаза закрыл, дышит тяжело, что-то шепчет.

Ну я ему, конечно, рассказал малость про это дело, про ту сволочь, что в клетке сидит – наркоту возле школ соплякам продавал, как свидетели сейчас от своих прежних показаний опираются, ещё немного, и виноватого нет, можно отпускать гада.

Немного времени прошло, народ возмутился, зашумел – ведь в зале полно родителей тех школьников, судья молотком стучит, а толку чуть. Я тоже вскочил, завопил «смерть гаду!» И тут мне прямо в ухо крик: «Сдохни, сволочь!» Оглянулся, а это парень, мой сосед орёт, бледный, чуть не падает. Но у меня всё внимание не к нему, а к клетке – там этот гад с перепугу, что ли, побледнел, откинулся на стенку, к нему адвокаты бегут. Понял, что процесс отложат.

И точно – всех из зала попёрли, вспомнил я про парня, его и близко нету, поорал и сбёг. Узнал, что продолжение суда будет завтра утром, и тоже ушёл до дома. На другой день прибыл, как штык, к самому началу. Процесс идёт, всё то же самое, парня того нет, и вдруг явился, сел опять со мной рядом на свободный стул. Гляжу, а он сегодня совсем другой: весёлый, улыбается, лицо розовое, спросил громко, чуть не криком:

– Что тут нового?

Я его, конечно, укоротил.

– Тише ты! А то попрут нас из зала.

Народ снова заволновался, зашумел, у меня всё внимание на того гада, на парня не гляжу и вдруг он как кинется к клетке! Ну, думаю, не иначе у него брат или сестра пострадали от этого уroda. Могли его свободно взять за шкуру и выгнать из зала, но парню повезло, все тоже завопили, а кое-кто и к клетке побёг, приставам стало не до него.

Ладно, сажу-смотрю, что дальше? А парень постоял-постоял и обратно вернулся, сел со мной рядом, улыбается-смеётся, хотя ничего весёлого и близко нету. Спросил его:

– Чё ты всё лыбишься? Чё веселишься?

Отвечает спокойно и громко:

– Есть справедливость, есть. Скоро все увидят.

Ну, думаю, привет! Тронулся малость, лишь бы буянить не начал, нет, слава Богу, сидит, что-то шепчет тихо. Я отвернулся, гляжу на клетку, гад там улыбается во всю пасть, знает, скоро освободят прямо тут. И вдруг словно толкнуло меня в бок – поглядел ка парня, а он руку чуть поднял, пальцы сложил, так мы в детстве с ребятами баловались – щелчки в лоб ставили, и тоже щёлкнул!

Тут в зале шум-крик громкий, как на базаре, у меня, понятно, всё внимание на клетку. И вижу – гад-урод там на полу лежит, не шевелится, неужели концы отдал? Это было бы справедливо! Вспомнил слова парня, оглянулся, а его и след простыл. Нету! Ушёл, слова не сказал.

Запомнился он мне словами своими про справедливость и, главное, как пальцами щёлкал, и вдруг подумал – может это он гада того придавил? Щелчком своим? Хотя вряд ли, в чудеса не верю.

Но парня того ни разу больше не видел, хоть и хожу в суды почти каждый день. Вот такое дело, не зря он смеялся-веселился...

4

Медленно, торопиться теперь некуда, шёл по улице, был рад – его сила к нему вернулась, одной гадюкой ещё стало меньше. Увидел ту же аптеку, остановился, на дверях табличка: «Закрето по техническим причинам», улыбнулся – это я, такая причина, и направился дальше, в свой любимый сквер.

Добрёл до проклятого перехода, того самого, по «зебре» неслись машины, как тогда. Вдруг увидел – рабочие долбят асфальт, устанавливают светофор. Значит, помог немного.

А машины, словно торопились успеть до светофора, неслись и неслись, не обращая внимания на «зебру». Ждать не стал – шагнул на неё и пошёл, будь что будет. Сразу взвизгнули прямо над ухом тормоза, не оглядываясь двинулся дальше, визг повторился, уже другой, благополучно перебрался через дорогу сел на скамейку в сквере закрыл глаза и словно перенёлся в другой мир: тишина, шумят деревья на ветерке, травка зелёная, а в ней разноцветные колокольчики-цветочки, красные, голубые и зелёные... Жить бы так, и больше ему ничего не надо.

В сквере института всё гуляли девицы, вглядывался в них, искал, нет ли Ляли... Красивые, длинноногие, разноцветноволосяе – были даже ярко-рыжие, – проходили мимо, смотрели на него, многие улыбались, как бы приглашая подойти и погулять вместе, а там видно будет.

Ляли не было, а все прочие его не интересовали, Сергей даже задремал, но тут появился Колян, сел рядом, как всегда громкий и бесцеремонный,

– Дрыхнешь? И правильно – кто спит, тот обедает. Или уже подрубал компот?

Сергей не обедал, да и есть совсем не хотелось, помолчал немного и спросил:

– Сегодня был суд над тем наркоторговцем, о котором рассказывал, интересно – кончился, или опять отложили. Узнай, если можешь.

Колян вытащил трубку мобильного телефона, сказал гордо:

– Конечно, могу. В нашей конторе в отделе информации есть мужик, он за всеми судами следит. – Быстро набрал номер; – Олег, привет, это Колян. Скажи, по сегодняшнему делу торгаша Наркотиками чё нового? – слушал, улыбался, сунул трубку в карман.

– Приговор ему уже вынесли – гроб сосновый! Прямо там, в клетке, инфаркт долбанул, и привет!

– Умер? – спросил Сергей спокойно-безразлично, ждал такого.

– Угадал! Хер с ним, туда и дорога! Жульё рвёт, что только можно.

Не слушал его, снова видел зал суда, клетку, в ней урода со змеиной головой... Всё правильно, так и надо... Потом спросил:

– Может, знаешь какие ещё там есть дела, про это жульё?

Собеседник даже подскочил на скамейке.

– Ха-ха! Таких полно! Бедные судейские уписались в дерьме копать! Хотя, может, им и нравится. Вот был у нас в городе такой фонд сбережений для пенсионеров «Согласие», дело простое, как солёный огурец: ты нам бабки сейчас отвали, а мы тебе их через год вдвойне.

– И как? Отдавали?

– Ха-ха! – веселился Колян, – Лохи в очередь построились. Через три месяца время первой выплаты процентов, за день главный ловкач сбёг со всем баблом, второго, его помощника, уже в аэропорту повязали. А толку чуть – бабок-то нету!

Говорил радостно, не осуждал жуликов, а чуть ли не завидовал им. «Может, и сам бы хотел проверить похужее дельце», подумал вдруг Сергей.

– Рад за них, что ли?

Колян глазом не моргнул, не смутился.

– Который смылся с баблом, молодец! А второй – дурак, так ему и надо, лоху! Ведь нынче у нас без бабла жизни нету. Есть у тебя бабки – ты человек, не имеешь их – пустое место, никому ты нахер не нужен!

Спорить с ним не стал – бесполезно, только спросил:

– Суд когда?

– Сегодня начали, но разведут говорильню на месяц.

Сергей молчал, смотрел себе под ноги, на грязный асфальт, Колян продолжал всё так же весело:

– Не грусти! Слушай и усекай – сегодня ближе к вечеру я к тебе Ляльку пригоню! Трахнешь её, и всё станет окейно! Готовься, точи своё шило острее! Готовься работать до утра! Только опять не усни! Ха-ха! – засмеялся и быстро ушёл.

5

Улыбался – Ляля! Ляля сегодня придёт! Вспомнил, как сидела рядом в кафе, какая у неё была тёплая ножка... Скоро, скоро увидит её...

Посмотрел вслед Коляну, нахмурился – давно не нравился его покровительственный и даже пренебрежительный тон в разговоре, словно считает полным дурачком, ни на что не способным. А ведь сам и есть дурак – учится на тройки. Это унижало Сергея, било по самолюбию, по чувству собственного достоинства, весьма у него обострённого. Не раз и не два хотел его грубо оборвать, сказать, что не будет с ним общаться и даже разговаривать.

Хорошо бы, но не решался – поссориться проще простого, а что дальше? Останется совсем один, слова некому сказать, девчонок с курса почти не знал, просто боялся. Только и остаётся мистер Рэд, он же Барсик, Барсук и Барселон...

Вздыхнул тяжело, плохи твои дела, Серёга Малинин... Но всё это пустое, надо работать, идти в суд на дело пенсионеров, давить очередного гада. Встал, но подумал – сегодня уже поздно, а завтра обязательно. Тогда скорее домой – ведь Ляля придёт, не опоздать бы.

В том же магазинчике купил себе пять сырочков и два пирожных – трубочки с кремом для неё, ел их сто лет назад, вкуснятина невозможная! Должны ей понравиться. Торопился, бежал – вдруг она уже ждёт? Не пошёл на мост, рискнул – оглядываясь, благополучно проскочил по рельсам, распахнул калитку и... замер.

Пришла! Ждала его!

Сразу забилась, застучала кровь в висках – Ляля лежала на его месте, на солнечном холмике, загорала. Закричал, как мог, громко:

– Вот и я!

Встала – голая голышка, прозрачно-прекрасная на солнце, сама светилась, словно маленькое солнышко, мигом сбросил тапочки, брюки и рубашку, побежал к ней, На ходу снимая трусы.

Она шагнула навстречу, улыбалась широко и радостно, обнял, целовал горячие губки, закрытые глазки, мягкие груди... Встал на колени, целовал, не отрываясь, нежный, медово-сладкий животик и сердце замерло, остановилось. От пышного тела – розового, как только что распутившаяся роза! – призывно и ошеломляюще пахло солнцем и ещё чем-то неуловимо-прекрасным.

– Милая... Как я ждал тебя..., – прошептал тихо.

– И я ждала..., – повторила эхом, повалилась на траву и увлекла за собой Сергея, обняла его, застонала... Он тоже снова сжал её изо всех сил, ещё секунда, ещё мгновение, и наконец-то...

Но вместо горячего, ждущего тела вдруг ощутил в своих руках пустоту.

Ляли нет!

Вскочил, оглянулся, ничего не понимая, – она исчезла!

Сел на землю, потрогал, погладил горячую траву, на которой она только что лежала, сидел так долго, пока, наконец, до него дошло – Ляли тут и не было. А была только его мечта о ней...

Надел трусы, собрал всю одежду, кинул на скамейку, сел рядом, подумал грустно: «Колян – треплю, наболтал, как всегда».

Закрыв глаза, сидел и сидел неподвижно, чувствовал в груди какую-то пустоту, словно вынули сердце... Обманула его, не захотела встретиться. Было горько до слёз, как в том далеком детстве, когда над ним смеялись и обижали злые ребята во дворе, глаза вдруг стали влажными... Ну и ладно, ну и пусть – не нужно ему никого, был один, таким и будет всегда.

Но, всё равно, ухватился за соломинку – не смогла прийти сегодня, придёт завтра. Не может не прийти, ведь тогда, в кафе, так ласково улыбалась, так весело смеялась. Не мог даже допустить, что Ляля просто не хочет его видеть.

Неподалёку в кустах весело зачирикала какая-то вечерняя птичка, донёсся гудок теплового, жизнь шла, как обычно.

Вдруг рядом на скамейку запрыгнул рыжий мистер Рэд, он же теперь Барселон – появился без звонка.

– М-р! – сказал громко. – Не грусти! Всё это ерунда! Сергей погладил горячую шерсть, почесал подбородок, это кот особенно любил, произнёс тихо:

– Одни мы с тобой, никому не нужны...

– Нет! – возразил Барселон. – Я нужен тебе, а ты мне, хочешь, принесу мышку на ужин? – и, не дожидаясь ответа, прыгнул на землю, побежал к дырке в заборе и мигом исчез в лесу.

А Сергей взял подушку, одеяло и пошел снова спать на холмик, под нежаркое вечернее солнце.

Пятница

1

Сергей постоянно опаздывал, была у него такая слабость, точнее – серьёзный недостаток. Пропускал почти все первые лекции и от гнева деканата спасло только чудо – чудо в лице старосты Ирки, она не отмечала опоздания. Другие девчонки с курса знали, конечно, это, но молчали, все симпатизировали ему.

Вот и сейчас вместо того, чтобы бежать бегом к началу суда, сидел и пил чай, несладкий, но ароматный и целительный, бабка Ага дала целый мешок сбора разных трав. Подумал про неё и вздохнул – вернётся не сегодня-завтра, что-то будет...

Выгонит из-за тех проклятых гадюк.

Допил вторую чашку, доел все сырки, но разве можно уйти? Рыжий Барсик ждал, лежал на кровати – все четыре лапы вверх, глаза прижмурил – только зелёные щелочки остались, – толстое пузо выпятил... Необходимо его почесать! Сел рядом и начал работать.

От удовольствия котюга замурчал громко, как настоящий трактор, глаза закрыл совсем, лапы задёргались... Готов был так лежать полдня, но Сергей глянул на часы – дешёвенькие, но ходят отлично, и это главное. Встал, сказал сердито:

– Совесть надо иметь! Буду тебя чесать, вообще в суд не попаду!

Барсик спрыгнул па пол, сказал недовольно:

– Вставать надо раньше! И всё успеешь!

Малость рассердился на него.

– Поговори ещё у меня! И можешь пузо не подставлять, пусть тебе его мышки чешут!

Кот на такие глупые слова ничего не ответил, выскочил из комнаты – хвост трубой! – и побег в лес. А Сергей заторопился в суд, быстро пошёл на мост, потом сел на автобус, хорошо, что ждать не пришлось.

Та же улица, серый, старый асфальт, та же аптека. Увидел – таблички «по техническим причинам» нету и открыл дверь, хотя, наверное, и не надо было. За прилавком женщина, не молодая и не старая, того мужика нет, знал об этом. Сказал негромко:

– Валерьянку, один пузырек...

Ответила обычно;

– Десять пятьдесят, – и поставила лекарство на прилавок.

Положил деньги, сунул стекляшку в карман, спросил негромко:

– Тут раньше мужчина работал, а теперь вы...

Сказала, спокойно-безразлично:

– Заболел.., – Сергей не уходил, и продолжала: – Все под Богом ходим, собирался жениться, с Настей своей уже три года живёт, сын у них, и вдруг...

Говорила охотно, видно надоело тут сидеть одной, покупателей немного, была рада неожиданному слушателю.

– Покупатель зашёл, а он на полу лежит, еле дышит, «Скорую» вызвали, обширный инфаркт, неизвестно, выживет ли... Теперь я одна тут кручусь.

Сергей молчал, вспоминал хамство того мужика, было его ничуть не жалко, всё же сказал:

– Грубоватый он был немного...

Неожиданно женщина охотно согласилась.

– Это точно, характер у него не сахар, я с ним часто ругалась по этому поводу, ведь многие покупатели так и говорили – больше сюда ходить не станут.

– Спасибо, до свиданья, – Сергей вспомнил, что торопится, и скорее вышел. Вышел – и сразу забыл и про аптеку, и про эту женщину, и, конечно, про заболевшего – так ему и надо, всё правильно!

2

Суд над мошенником, обманувшим пенсионеров, проходил в том же зале. Как ни торопился Сергей, всё равно опоздал. Осторожно вошёл, сел как всегда, у дверей, оглянулся – здесь ли его разговорчивый сосед? Не увидел, и хорошо. Народу много, почти одни старухи, стариков мало, понял – они просто не дожили до такой радости.

Старушки все, как одна, с палочками, разговаривали между собой громко, возбуждённо, не оглядываясь на судью. Ворюга оказался низкорослым, тщедушным человечком, похожим на какую-то полудохлую птицу. «Я бы рубля такому не доверил, – подумал с удивлением: – А ведь хапнули они немало».

Подсудимый торопливо отвечал на все вопросы, охотно признавался, но обвинял во всём сбежавшего «шефа», утверждал, был только исполнителем. Все понимали – врёт, ведь сам собирал деньги и выдавал красивые, фальшивые сберкнижки.

В зале душно, глядеть на этих несчастных стариков и старух никаких сил не было, и Сергей вышел в коридор, сел рядом с невысокой, почти совсем седой, старушкой и древних тонких железных очках. И вся она была какая-то из прошлого века, поношенное длинное платье, на голове волосы сложены калачом, таких причёсок не видел никогда. Сидела, молча глядела на пол перед собой, и вдруг чуть наклонилась к нему и зашептала еле слышно:

– Когда Господь решает наказать кого-то за грехи, то лишает разума. Ведь жулик! Жулик чистый, сразу видно! А мы с дедом поверили, отнесли все денежки – триста тысяч! – через три месяца обещали первую выплату процентов – четверть от всего вклада. Пришли, а лавочка закрыта, жульё сбежало. У деда теперь ноги отнялись, ходить не может совсем и говорит плохо. Лежит дома один, а я, дура, сюда поплялась, поглядеть на вора.

В коридоре скоро Сергей начал задыхаться, не духота не только от жары – атмосфера ненависти была здесь, напряжённой и страшной, словно сейчас грянет гром и блеснёт молния. Подсудимый это тоже чувствовал, сжался на скамейке.

Глянул на него в приоткрытую дверь и увидел – голова стала змеиной, глазки маленькими и чёрными... Прав, прав Колян! Сто раз прав! Жульё кругом! За копейку готовы убить! Повернулся к старушке, сказал негромко-зло;

– Я его накажу! Убью! Отомщу за всех!

Сразу встала, испугалась.

– Что ты, сынок? Жизни лишать человека грех, смертельный грех! Пусть живёт, Бог ему судья... – и побежала по коридору серой мышкой.

– Он же не человек! Одна жадность! – крикнул вслед, а за дверью шум – старухи стучали палками об пол, кричали на урода в клетке, он стал совсем маленьким и жалким, сейчас помрёт. Но Сергей знал, всё это притворство. Чтобы срок дали небольшой, отсидит половину, остальное скостят за примерное поведение. Выйдет по условно-досрочному освобождению, достанет припрятанные денежки – а что они есть, не сомневался, – и станет жить, кататься как сыр в масле, смеяться-вспоминать этих дур-старух...

Ну уж нет! Так не будет! Дождался, когда зал зашумит сильнее, сказал в приоткрытую дверь спокойно:

– Сдохни, гадина, – и скорее выбежал на улицу, прочь от этой духоты, шёл и прокручивал в голове всё, был убеждён: поступил правильно.

3

Возле здания суда был маленький скверик – два зеленых газона, три скамейки. Сергей сел отдышаться, голова все ещё тяжёлая, закрыл глаза, и через несколько минут услышал весёлый голос:

– Привет! Пошли, скоро интересное дело начнётся.

Поглядел – это его сосед по тем судебным заседаниям. Отрицательно качнул головой, опять идти в суд не было никакого желания. Сосед сел рядом и продолжал громко:

– Самое интересное дело было неделю назад, просто, блин, офигительное. Есть у нас тут фирма – будь здоров! – нефть, газ, трубопроводы и другая, такая же, хрень. Хозяйство огромное, всякой твари по паре. Конечно, и департамент имущества имеется, рулила там некая Сидорова, деловая баба! Завела порядок – если что продавать, только через неё, всякие там лишние дома, земельные участки и всё прочее. Отгадай, что дальше?

– Не знаю, – нехотя ответил Сергей, всё это его как-то не очень заинтересовало.

– Проще пареной репы! – сосед заулыбался. – Придёшь к ней с подарком-сувениром, подпишет разрешение, без него – гуляй прямо. Вот и тащили покупатели ей коробочки с золотыми колечками, а кто поумнее – то и с бриллиантами. Колечко то стоит для них ерунда – тыщ десять-пятнадцать, а покупочки им обходились дешевле на сотни тыщ! Экономия, будь здоров!

– Жульё.., кругом жульё, – тихо произнес Сергей.

– Молоток! Угадал! Да ещё какое! При обыске у неё таких коробочек нашла.., угадай сколько? – И, не дожидаясь ответа, сказал весело: – Почти тысячу! Вот баба! Зверь! Конвейер создала! По изготовлению бабла себе в карман!

Сергей всё же заинтересовался, спросил негромко:

– Говоришь, суд был? Сколько ей дали? лет десять?

Сосед заулыбался ещё шире.

– Гадальщик из тебя хреновый! Ущерб фирме нанесла будь здоров – на сотни миллионов, а получила три месяца домашнего ареста!

– Не может такого быть! – Сергей не поверил.

– У нас может быть что угодно. Это пока следствие точно считает, сколько баба хапнула, потом окончательный суд.

– Значит, дома сидит взаперти? Почему не в тюрьме? За пустяки ведь сажают, а тут...

– А тут другое дело, – перебил сосед. – У неё в областном центре не то жених, не то просто любовник-трахальщик в больших чинах, наш независимый суд это железно учёл. Сидит, бедная, в своей десятикомнатной квартире, три прислуги – домработницы и кухарки, гуляет свободно по магазинам, видели её и в ресторанах, одним словом – каждому бы такой арест.

– Такого быть не может, – возразил сразу. – Это просто бардак! Но каждый бардак имеет свои пределы!

Сосед вскочил со скамейки, чуть не закричал.

– Наш бардак никаких пределов не имеет! Наш российский бардак самый передовой в мире! Безграничный! Никому нас не догнать, никакой стране! – оглянулся и сел, сказал тихо. – Чё то я разошёлся... У таких сволочей совести нет ни на грош, у них скоро вместо совести на лбу знаешь, что вырастет? – и опять громко продолжил: – То слово, из трех букв, которое произносить запрещено! Но все его знают и все говорят!

– Новый суд через три месяца? – спросил Сергей.

– Могут ей этот курорт и продлить, хоть на год. Надо звонить и узнавать. Да я тебе прямо сейчас скажу, что будет. Сунут ей условно год-полтора, учтут домашнюю отсидку, и свободна, милая! Гуляй-дыши глубже! А она ещё и на следствие в суд сама подаст, потребует, чтобы вернули все колечки-бриллианты, Ведь подарки только, никого она о них не просила, не заставляла приносить. И запросто отдадут! Будь уверен! – Сосед встал: – Ладно, пока, приходи на тот суд обязательно, увидишь, что я угадал.

Он быстро ушёл, а Сергей сидел с закрытыми глазами – придёт, конечно, обязательно. Эта воровка в тысячу раз хуже Бочкиной, та по сравнению с ней просто ангел. Придёт, и посмотрим, чем этот суд кончится, нужны ли будут ей потом все эти ворованные колечки...

Посидел ещё немного, голова, всё равно, продолжала болеть, встал и пошёл в любимый сквер, куда же ещё? Не домой же ехать, фактически институт, и сквер этот, и был его домом. Как всегда сел там на дальнюю скамейку, подальше от суетни, от людей, закрыл глаза и погрузился в тишину...

– Вот ты где! – с криком возник Колян, плюхнулся рядом, весёлый и громкий.

– Нам полный амбец-пипец! Новый препод – бляха-муха! – Ирку с её тетрадкой нахер выпер из кабинета, только заикнулась про бабки! Ё-моё! Нахлабаемся с ним дерьма досыта – придётся эти юсы-мусы зубрить! А у меня на них аллергия, голова сразу болеть начинает!

Спросил ехидно:

– А больше ничего не болит?

– Мне хватит, могу тебе одолжить! Я бы лучше две штуки отдал!

– Со взятками надо бороться, а ты.., – продолжал Сергей.

– Что я? – Колян даже подскочил на скамейке. – Какая это взятка, одна штука! Не считается! Это просто «спасибо»! Надо вообще закон принять, взяткой считать больше десяти тысяч! До этого – просто благодарность! Прикинь сам, как клёво будет. Все друг друга благодарят и делают свои дела быстро! Без всяких очередей и лишней писанины! Вот я тебе две красненькие несу – прошу письмо завтра подготовить и отправить, а не через месяц. Ты бабки в карман – будь сделано! А из другого тоже две красненькие достал и мне – решение по моему делу завтра пробей, а не через месяц. Бабки беру, говорю тебе: не сомневайся, обеспечу! Красота! Красота, а не жисть начнётся.

Сергей только головой покачал – ну и болтун! Потом спросил:

– А если у меня этих красненьких нету? И никто мне их не несёт, тогда как? Тихо помирать, ведь без денег ничего не будет, никто пальцем не шевельнёт.

Коляна ничем не проймешь, только хохотнул.

– Ха-ха! Это твои проблемы! Иметь бабки надо! Напишу в Думу, пусть такой закон принимают! Прославлюсь на всю Россию!

– Перестань глупости городить! – рассердился Сергей. – Готовься лучше к зачёту, сдашь всё равно, хоть и не с первого раза.

– Не оценил моё предложение, – Колян встал со скамейки. – Нехорошо, не ожидал. Пойду к преподу, наедине конвертик суну, возьмёт, если не совсем дурак...

– Выгонит, и только, будешь к нему десять раз ходить. Лучше скажи, почему Ляля вчера не пришла? Я ждал-ждал...

– Придёт! – Колян не задумался ни на секунду. – Подмоется и завтра явится, и ты токе готовься! – врал, конечно, и не думал её посылать, вчера вообще повел к себе домой, выпили бутылку коньяка и клёво развлекались до утра. Ничё с Серёгой не стрясётся, обойдётся без этой тёлки, самому Лялька нужна.

Сергей молчал хмуро, не знал – верить ему или нет, чувствовал, что, скорее всего, врёт, но так хотелось поверить... А Колян уже о другом.

– Знаешь, какая хохма? У судейских полный отстой! Все там уписались! Помнишь, я тебе рассказывал про жуликов из фонда пенсионеров? Мне Олег из редакции только что позвонил – у них второй подсудимый прямо в клетке концы отдал! Чепе! Вчера наркоторгашь, сегодня мошенник! Теперь судейских возьмут за задницу!

Отнёсся к новости спокойно-безразлично, для него вовсе и не новость, сердце опять не дрогнуло.

– Ну и правильно, это жульё кончать надо, пока они нас всех не кончат, жалеть их нельзя.

– Точняк! – сразу согласился Колян. – Я слышал, в Китае таких расстреливают сотнями! Вот поглядеть бы! На эту весёлую картину!

Сергей поморщился, хотел возразить, что ничего весёлого в этом нету, хотя, конечно, правильно, но не успел – в конце аллейки показался человек. Был явно пьяным, шёл пошатываясь. Но не бродяга, не бомж, одет прилично. Под расстёгнутым пиджаком даже белая рубашка с галстуком, хотя узел распушен и болтался на середине груди. Шёл прямо к скамейке, они молча пристально смотрели на него. Остановился рядом, глядел, ни слова не говоря. Колян не выдержал, сказал громко:

– Какого хера тебе надо? Кати отсюда, не отсвечивай, а то в лоб схлопочешь!

– Сту... денты..., заикаясь произнёс пьяный. – Лю... блю студентов, сам был, поч... ти... А ты кто такой? Как зовут? Я вот Ар... тур... Мож... но просто Ар... чик...

– Ну, ты, друг, даешь! – засмеялся Сергей. – Артур! – чуднее имени и придумать было нельзя для такого типа. – Шёл бы до дому, Артур.

Пьяный стоял молча, не сводил с них глаз и Сергей уже хотел встать и попытаться увести отсюда Коляна – дело запахло дракой, но Артур вдруг вытащил из кармана зелёную тысячерублевую купюру и произнес почти не заикаясь:

– Бегать умеете, студенты? Вон до той скамейки кто первым доскачет, тот и получит...

Скамейка была совсем недалеко, Колян, прищурясь, поглядел на неё, потом на Артура.

– Интересное кино получается, и сбоку бантик..., – повернулся к Сергею. – Может, сбегает?

– Да пошёл он на хрен, если охота, беги один, – уже зло ответил, пьяниц категорически не любил.

– Чё ты так? – удивился Колян. – Такие бабки на земле не валяются. – И добавил потише: – Обуем лоха...

Артур помахал бумажкой.

– Лады, студент, бегай один, только быстро, иначе не дам!

– Могу и один, – сказал Колян уже серьёзно. – Только ты, дядя, бабки на скамейку положи, пусть отдохнут. – И повернулся к Сергею. – А ты покарауль, чтобы их ветерок не сдул.

Пьяный положил деньги на скамейку.

– Вот они тут, отдыхают, ждут тебя. Давай, студент, шуруй!

И Колян побежал, не очень быстро, ведь соперника не было, и Артур сразу закричал:

– Быстрее! Не сачкуй! Подбрось дровишек в печку! Иначе её не увидишь!

Колян рванулся вперёд, домчался до скамейки и, так же быстро, вернулся, схватил зелёную бумажку и сунул в карман, довольно улыбнулся.

– Полный порядок! Каждый бы день так бегал, вместо зарядки!

Давай, дядя, побегаем ещё!

– Давай! – вдруг согласился пьяный, залез в карман и достал красную пятитысячную купюру. – Видели такую? Может, и видели, да в руках не держали.

Молчал, глядел на неё Колян, потом произнёс совсем тихо:

– Это ты к чему сказал?

– Ха-ха! – засмеялся Артур. – Кто хочет её занять, пусть до той скамейки попрыгает на задних лапках! Ясно вам?

Сергею всё было давно ясно, надо уходить, и скорее. Вся эта комедия добром не кончится.

– Пошли отсюда, – сказал громко. – Пусть этот алкаш сам бегает-прыгает.

Колян не сводил с Артура глаз.

– Бумажка у тебя красивая... Я, чё-то, не усёк, как надо прыгать?

Тот согнул ноги в коленях, взял купюру в рот, руки вытянул чуть вперед, как лапы собаки, и прыгнул. Было смешно, но никто не смеялся.

– Понял тебя, – наконец выдохнул Колян. – Ладно, согласен, почему бы и не попрыгать для хорошего человека... Клади бабки опять на скамейку, а ты, Серега, снова их карауль.

– Не надо, пойдём, – повторил Сергей, но тот его не слушал, только махнул рукой, Артур положил на скамейку деньги, с насмешкой глядел на жадного студента, ждал, что будет дальше. Колян же сразу согнул ноги, вытянул руки и запрыгал неуклюже, приседая и чуть не падая.

– Не так! – громко и откровенно издевательски захохотал Артур. – Ты как беременная баба! Шибче надо, иначе хрен тебе, а не приз!

Колян запрыгал было быстрее, но споткнулся, чуть не упал и выпрямился, остановился. Пьяный же сразу радостно завопил:

– Всё! Сошёл с дистанции! Никаких бабок!

Смотреть Сергею на всё это было противно до невозможности, и на гада-Артура, радостно унижавшего человека, и на Коляна, вдруг оказавшегося таким жадным, и он не сдержался, крикнул:

– Плюнь на всё, и уходим! – повернулся к Артуру: – А ты, придурок, убирайся, не приставай к нам!

Но на его слова они не обратили внимания, Колян снова запрыгал, всё так же, чуть не падая, Артур вопил громче и громче:

– Прыгай! Прыгай шибче! Или бумажка красная улетит!

И тут у Сергея опять сдавило горло, застучало в висках,..

– Ну, ты и гад! Пропал бы...

И Артур сразу перестал кричать, повалился боком на землю, Колян же мигом подскочил к нему, пнул, схватил со скамейки деньги, потянул Сергея за руку.

– Бежим скорее!

Тот оглянулся на лежащего, произнёс неуверенно:

– погоди! Может «скорую» вызвать?

Колян не слушал.

– Наплевать! Проспится и уйдёт! А сдохнет – не жалко!

Сергей смотрел на Артура, уже жалел, что не сдержался, но тот застонал, сел, вертел головой, не понимая, что случилось.

– Живой! Бежим! – закричал Колян, дёрнул сильнее Сергея за руку и они побежали в самый дальний конец сквера, куда мало кто заходил, шлёпнулись там на скамейку.

6

Просидели молча несколько минут, вспоминая случившееся, потом Колян засмеялся.

– Клёво ты гада напугал! Он чуть не обоссался! Из той красненькой одна штука твоя! Как только разменяю, получишь.

Сергей не ответил, какие деньги... Сидел едва живой, откинулся на спинку скамейки, закрыл глаза, сразу поплыли зелёные и красные круги... Колян ничего не замечал, продолжал так же громко.

– А хочешь всю красненькую заловить? Всего карася? Двинем сейчас в редакцию, и там напугаешь так же Ивана Ивановича!

Не сразу Сергей даже понял, о чём речь, ведь Иван Иванович был заведующим отделом информации, хорошо относился к Коляну,

– Почему? – спросил тихо. – Сам же рассказывал, как много помогал, печатал тебя, правил, даже переписывал...

Колян вскочил со скамейки, повысил голос.

– Было! Было и прошло! И лучше про это забыть. Он уже три года пенсионер, а с работы не уходит, место занимает. Отработанный материал, старпёр!

– Кто? – не понял Сергей.

– Старпёр – старый пердун! Пора бы знать. Давно надо под жопу коленом. Пугнёшь, сразу отвалит, Олег тогда будет завом, а меня на его место, в штат.

Высказался, замолчал, снова сел на скамейку, глядел вопросительно – согласится или нет? А Сергей смотрел на землю, возле скамейки трава грязная, наполовину жёлтая...

– Так нельзя, – произнёс негромко, но решительно. – Нельзя! Это непорядочно!

Снова Колян вскочил, снова закричал:

– Чё? Про чё ты – не пойму! Какую, нахер, порядочность выдумал? Была раньше, в древние-средние века, нынче исчезла, испарилась за ненадобностью. Забудь о ней, ведь дело идёт о моей будущей жизни...

– Почему? – опять удивился Сергей. – При чём тут это?

– По-кочану! Я сейчас в редакции кто? Сопляк, мальчик на побегушках! Буду штатным, совсем другое кино! Кончу институт, диплом в кармане – это не хухры-мухры! А у Олега того высшего образования нету, глядишь, меня и завоём сделают. Это Фигура! Член редколлегии!

Сергей молчал, не знал, что ещё сказать – как можно так даже попытаться поступить с Иваном Ивановичем... Потом тихо спросил:

– И тебе его совсем не жалко, если заставят уйти из родной газеты? Сколько он там лет протрубил?

Колян снова сел рядом, сказал уже тихо, спокойно:

– Запомни, крепко запомни – жалеть никого нельзя, себе дороже. Не зря в народе говорят: ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Это точняк! Повторяю – Иван Иванович мужик хороший, но отработанный материал, его время прошло. Пусть на печке сидит, задницу греет. Пойми, тебя никто не пожалеет, ты пожалел, а он тебе нож в спину сунул. Каждый сам за себя.

Глядел на Коляна так, словно видел первый раз.

– А что, так надо тебе попасть в газету?

Тот усмехнулся, лох ничего не пресекает.

– Наплевать на неё сто раз! Прикинь сам, копеечные бабки, беготни много, толку чуть. Все тебе указывают, все тобой командуют, а ты, как придурок, никем. Это раньше газету боялись, а сейчас любая сидушка-секретутка с тобой говорить не хочет...

Продолжал громко ещё и ещё, Сергей из трёх его слов слышал от силы одно.

– Там я на виду буду, знакомства везде завяжу, пробьюсь в городскую администрацию, стану чиновником, милое дело... А ещё лучше встрять в депутаты какие-нибудь, делать ничё не надо, а бабки большие. Красные «корочки» в зубы – и все перед тобой по стойке смирно. Квартирку новую запросто отхвачу, бабу себе подберу богатенькую...

Всё же перебил его.

– Бабки, бабки... Только о них и слышу, от тебя и от других, молиться на них готовы.

Колян самодовольно усмехнулся, Серёга парень неплохой, но лох, соображает туго.

– А как иначе? Без них жизни нет, как без воздуха! До сих пор не усёк? Пора бы.

Сергей взглянул на него и, вдруг, показалось – в голове у Коляна появилось что-то гадючье! Как у того урода за решёткой в суде, как у подлеца аптекаря... И закричал:

– Какая ты сволочь! Хуже всех! Сдохни, сдохни! – и тот сразу свалился со скамейки лицом в землю, захрипел, задержал ногами...

– Чё, Серёга, задремал? – услышал голос Коляна, открыл глаза, увидел: он сидит на скамейке как сидел, живой и здоровый. – Спать ты здоров! – засмеялся, вытащил из кармана ту самую красную пятитысячную бумажку. – Давай двинем прям сейчас, поцелуешь Ивана Ивановича. Чего ждать? Нынче надо всё делать быстро, сразу, а то другие из под носа уведут.

Хотел сказать ему всё, что думает, но промолчал, не решился, с трудом встал, покачнулся.

– Я домой, нехорошо мне...

Колян ничуть не удивился, спрятал деньги в карман, тоже поднялся.

– Лады, до следующего раза, но надо это проверить обязательно. Давай я позвоню и договоримся, какой у тебя номер? – вытащил из другого кармана большую, очень красивую

записную книжку, в ней торчала тоже большая, и тоже красивая, двухцветная ручка. Книжку раскрыл, ручку взял, ждал. Сергей смутился.

– У меня телефона нету...

От удивления Колян даже рот приоткрыл.

– Нету мобильника?! Как ты живёшь-существуешь? У меня их два!

– Так и живу..., – ответил тихо.

– Нынче у всех есть, в детсадике на горшках сидят и друг с другом болтают! Сам видел, гад буду!

Сергей чуть улыбнулся, представил себе такую картину. Врёт он, конечно, но, всё равно, смешно. О мобильнике думал не раз – хорошо бы заиметь, да где деньги взять...

– Живи без связи, раз не хочешь, – разрешил Колян. – Шагай в свою берлогу, иди, да не падай. Набирайся сил, готовься, завтра Лялька к тебе подкатит, станешь с ней работать! Пока не вспотеешь! И не забудь, я тебе уже говорил, получил её не даром, гони пузырь коньяка! Армянского! – крикнул и исчез.

7

Сергей остался один, наслаждался тишиной и покоем, думал – а вдруг не обманет? Вдруг Ляля, и правда, появится, и тогда... Но сладкие мечты были безжалостно прерваны, из кустов выскочил Артур, лицо горит, пиджак распахнут, галстука нет, сразу закричал громко-зло:

– Вот ты где! Деньги отдай! Украл у меня!

Встал, ответил, как мог, спокойно.

– Ты, дядя, подумай, что говоришь, сам же отдал, своими руками, и не мне, а Коляну...

Но разве пьяному можно что-то объяснить, продолжал кричать:

– Ничё не знаю! Одна шайка! Гони мои двадцать тысяч!

– Какие двадцать? Только пять...

– Двадцать! Четыре красненьких в кармане лежали, теперь нету! Украли! Да ещё пять мне за беспокойство, всего двадцать пять штук! Отдавай, или полицию позову!

– Колян тебе те пять тысяч вернёт, я заставлю, и не кричи, пожалуйста, – Сергей всё же пытался его убедить, ведь дело принимало плохой оборот, если заметут в полицию, то будет звонок в институт, а такое счастье вовсе ни к чему, доказывай, что ты не верблюд. Говорил Артуру ещё и ещё, обещал, что завтра же получит деньги, тот его не слушал, всё повторял про двадцать пять тысяч, сам пропил или потерял из них двадцать.

– Гони бабки! – продолжал орать всё громче и громче. – Или в полицию звоню! – сунул руку в один карман, потом в другой и завопил словно его режут: – И мобильник мой украли! Мой любимый!

Опустил руку в третий карман и вытащил черную коробочку телефона, смотрел на неё вроде бы даже удивлённо.

– Вот же он, – сказал Сергей. – И деньги те поищи, где-нибудь лежат.

Артур его не слушал, продолжал кричать:

– Это не тот! Это дешёвый, ты украл дорогой! Он десять тыщ стоит, даже больше! За тобой всего тридцать пять штук! Гони!

Или звоню! – поднял руку с телефоном, смеялся и нагло глядел.

Терпение у Сергея кончилось, тоже закричал:

– Какой ты жадный! Жадина! Не человек вовсе! Сдохни! – отступил на несколько шагов, смотрел, как этот псих повалился на колени, потом удалил лицом на землю. Подходить к нему не стал, сразу скорее побежал на автобус.

Дома сел на скамейку, об Артуре и не вспомнил, и вдруг... Вдруг увидел – рядом сидит большая мышка! И не просто сидит, а умывается, трёт лапками усики! Подарок котюги, как обещал!

– Спасибо.., – сказал, а её уже нет, исчезла, а, может, и вовсе не было...

Суббота

1

Проснулся поздно, почти в десять, облегчённо вздохнул – сегодня суббота, бежать никуда не надо. Чувствовал себя хорошо, хотя ночью снилось что-то неясное, какая-то чернота, отрывки из обрывков, но забыл всё сразу. Котюги, конечно, нет, на охоте. Взял колокольчик, позвонил, бесполезно, ну и ладно, потом явится. Вдруг вспомнил – вчера убил двух человек, а, может, и трех. Нахмурился слегка, но не пожалел ничуть – так и надо, ничего не колыхнулось в душе, был совершенно спокоен.

Подумал о главном – Ляля должна прийти! Надо готовиться, а у него ничего нет, кроме трех плавленых сырков, те пирожные засохли и съел с досады, что тогда её не было. Открыл свой тайничок-сокровищницу: в комнате на полу была прибитая гвоздиками фанерка, отогнул, достал конверт с деньгами. Вынул и разложил на полу несколько разноцветных бумажек, собирал на покупку зимних ботинок, откладывал с каждой стипендии понемногу,

Вздохнул – как их мало, пока только на один ботинок, а зима, всё равно, будет, никуда не денется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.